

Сага 18

О Фрейре и Фрейе

Священные камни ванов

Загадки *Ветер великанши*

„Речей Многомудрого“

Слово от редакции.

Пора страды — от Жатвы до Урожая, от Фрейфакси до Хаустбода — это время величайших трудов и величайшей радости. Время, когда в поле, в саду и в жизни мы видим отдачу от своей работы за год, и время, когда надо приложить ещё больше усилий, чтобы всё не пропало втуне. Время, когда мы наслаждаемся последними радостями лета — и готовимся к долгой зиме. Время зримого проявления власти ванов вокруг — и время благодарности за их великодушные дары. За изобилие и радость, за силы и энергию, за саму жизнь.

И во многом именно разговор о щедрых богах плодородия определил характер этого выпуска альманаха. Редакция приветствует читателей, и надеется, что плоды её усилий по созданию журнала тоже принесут радость и окажутся небесполезны.

Слава богам! Слава вanam! Слава асам и дисам-предкам, и всем благим существам нашей земли! Блага и радости!

Художник — Ирина Назаренко

Оглавление:

I. БОГИ И БОГИНИ

Вильям Ривз. Культ Фрейра и Фрейи.	4
Священные камни Скандинавии.	31
Юрий Слеповронский. Анализ отдельных элементов старшеэддической песни «Речи Многомудрого»: Менглёд, как гипотетическая «богиня зари».	39

II. СЕВЕРНАЯ ТРАДИЦИЯ: ИСТОКИ

Джуди Квин. «Ветер великанши»: Снорри Стурлуссон, Рудольф Мейснер и интерпретация мифологических кеннингов согласно таксономическим рядам (отрывок).	54
Прядь о Хауке Перепелятнике.	59

III. ЯЗЫЧЕСТВО СЕГОДНЯ. МНЕНИЯ.

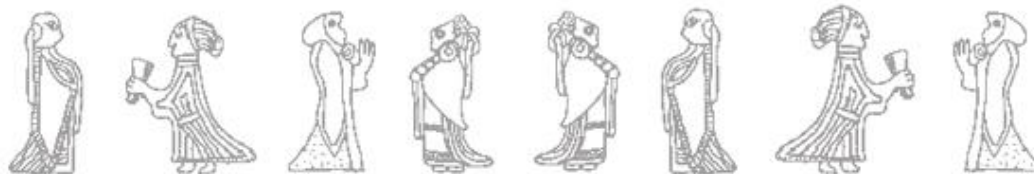
Олег Боровик. Переход из духовного туриста в человека, осознанно идущего по пути.	69
---	----

IV. МАСТЕРА.

Волкова Светлана, Романова Алла. Мастер-класс по жертвенной кукле.	71
--	----

V. ТВОРЧЕСТВО.

Лев Прозоров. Глиняный человек.	76
Татьяна Бородина. Призёры художественного конкурса от клуба «Рунагальдр».	81

І. Боги и богини.

Культ Фрейра и Фрейи (*The Cult of Freyr and Freyja*)

Вильям Ривз (*William P. Reaves* © 2008 *All Rights Reserved*)

Перевод с английского Н. Топчий (*Tradis*)

«Студенты, изучающие древнескандинавскую мифологию, не должны отчаиваться из-за широкого спектра возможных подходов к её интерпретации. Тот факт, что некоторые мифы, по-видимому, естественным образом сопротивляются определенным подходам и привлекают другие, не подрывает и не способствует обоснованности любого конкретного подхода; это только функция широты наших нынешних представлений о том, что составляет миф».

Питер Ортон, «Языческий миф и религия»¹

Почему Снорри не смог рассказать историю Фрейи и её мужа более подробно, особенно при том, что он подробно рассказывает о других популярных мифах? Несомненно, что история встречи с возлюбленным и брак Фрейи должны были быть хорошо известны даже в его дни. Могла ли популярность самой Фрейи способствовать нежеланию Снорри уточнять её историю? Мы никогда не сможем узнать точный ответ, но источники, которые у нас имеются для изучения, предлагают подсказки.

Современное изображение богини Фрейи.

¹ Peter Orton, "Pagan Myth and Religion" in *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*, Edited by Rory McTurk, p. 317.

В конце языческой эпохи в Исландии Фрейя сохраняла могущественных последователей. Исландские документы сообщают нам, что поклонение ей продолжалось вплоть до времени обращения в христианство. Поскольку следовать языческим практикам было дозволено покуда это происходило вне поля зрения общественности, нет никаких оснований сомневаться в том, что её культ активно действовал и после крещения страны. В течение самого периода обращения поклонение ей стало источником разногласий между язычниками и христианами. На Альтинге летом 999 года скальд Хьяльти Скеггьяссон (*Hjaltil Skeggjasson*) поносил Фрейю в стихах, прочитанных со Скалы Закона. Это двустишие сохранилось в «Книге об исландцах» (*Íslendingabók*, 7), и «Саге о Ньяле» (*Njalssaga*, 102):

Vik ek eigi goð geuja, grey þykki mér Freyja.

Не хочу я богов облаивать (поносить), сукой (собакой) кажется мне Фрейя²

Слово *geuja* означает и «насмехаться/богохульствовать/поносить», и «лаять»³. Язычники восприняли это как богохульство, а Рунольв (*Runólfr*), жрец храма в Долине (*Dalur*) в Эйяфьолле (*Eyjaþjóll*), приговорил Хьяльти к малому изгнанию⁴. Стихотворный намёк может быть более чем образным, так как Фрейя называет ведьму Хюндлу (*Hyndla*), чьё имя означает «маленькая собачка», своей «сестрой» в «Песне о Хюндле» (*Hyndluljóð*, 1). Также в «Песне» (*Hyndluljóð*, 10) мы находим дополнительные доказательства почитания Фрейи: богиня хвалит своего возлюбленного Отгара за то, что он воздвиг ей святилище и приносил жертвы на его алтаре:

*Hörg hann mér gerði
hlaðinn steinum
nú er grjót það
að gleri orðið,
rauð hann í nýju
nauta blóði
æ trúði Óttar
ásýnjur.*

Алтарь для меня
из камня сложил он,
и камень в стекло⁵
переплавлен теперь;
обагрят он алтарь
жертвенной кровью:
в асиний верил
Отгар всегда⁶.

² John McKinnell tr. *Meeting the Other in Old Norse Myth and Legend*, p. 87.

³ *Íslendinga saga* by Jón Jóhannesson; *A History of the Old Icelandic Commonwealth*, translated by Haraldur Bessason, University of Manitoba Press, 1974. p. 130.

⁴ *Landnamabók*, 367; *The Book of Settlements*, translated by Hermann Pálsson and Paul Edwards, 1972, University of Manitoba Press, p. 137.

⁵ Некоторые комментаторы предполагают, что камень стал стеклом из-за частых жертвоприношений с использованием огня [от переводчика: на этом основывается русский перевод. В оригинале — «камень сделался»]. Недавно Джон МакКиннел (*John McKinnell*) заметил, что стекло в древнескандинавских стихах всегда ассоциируется с драгоценными объектами, и представление об алтаре из стекла может относиться к характеристике Фрейи как любящей дорогие и престижные вещи (McKinnell, *ibid*, p. 86-87).

⁶ Здесь и далее приводится перевод эддических песен А.И.Корсуна.

Фрейя будит великанину Хюндлу. В. Коллинивуд (W. G. Collingwood), 1908 г.

Снорри сообщает нам, что Фрейя — одна из самых почитаемых богинь, уступающая в этом только жене Одина, Фригг. Он говорит в «Видении Гюльви» (*Gylfaginning* 24, 35), что хорошо молиться ей о любовных делах и что ей нравятся любовные песни-*mansöngr*. Возможно поэтому христианская книга законов «Серый гусь» (*Grágas*) строго запрещала такие стихи для всей Исландии своим постановлением⁷.

При этом «поношение соперника почти так же важно, как и похвала любимой. Таким образом, мансёнг (*mansöngr*) изначально ближе к любовной магии, чем к лирике⁸».

Сексуальные аппетиты Фрейи хорошо известны, и кошки, одни из самых похотливых животных, известных на севере, влекут её колесницу⁹. В этом отношении она была полной противоположностью богине новой религии, деве Марие. И Фригг, и Фрейя призываются, чтобы помочь при родах («Плач Оддрунн» — *Oddrunargrátr* 9), а также задействованы вместе в заклинаниях, предназначенных для исцеления лошадей¹⁰. Ранний христианский закон определённо запрещает использование древних целительских чар¹¹. Однако вдали от глаз властей эта практика в северных общинах продолжалась; временами даже христиане

⁷ Turville-Petre, *Myth and Religion of the North*, p. 175, citing .*Grágás* II, V. Finsen ed, 1852, p. 184.

⁸ I.G. Matyushina, “The Earliest European Lyrical Poetry”; <http://www.ruthenia.ru/folklore/matushina4.htm> (last viewed 9-6-08).

⁹ Turville-Petre, *ibid*, p. 176.

¹⁰ Britt-Mari Näsström, *Freyja—Great Goddess of the North*, p. 110, citing F. Genzmer, “Da signed Krist—på biguolen Wuodan, 1949 Arv, pp. 37-68; F. Ohrt, *Da signed Krist—tolkning av det religiöse inhold i Danmarks signalser og beværgelser*, 1927, Copenhagen; *De danske besværgelser mod vrid og blod*, 1922, Copenhagen.

¹¹ Thomas DuBois, *Nordic Religions in the Viking Age*, p. 117.

пользовались этим альтернативным методом лечения, особенно в случае сейда (*seiðr*¹²), магического искусства, которому Фрейя обучала богов¹³. В частности, считалось, что сейд обеспечивает восстанавливающие или регенерирующие силы, достаточно мощные, чтобы воскрешать мёртвых¹⁴.

Фрейя. Литография Й. Герца (Johannes Gehrts), 1884 г.

Согласно «Речам Гримнира» (*Grímnismál*) и «Видению Гюльви» (*Gylfaginning*), Фрейя владеет палатой Сессрумнир (*Sessrumnir*, Со многими сиденьями), которая находится на Фолькванге (*Folkvangr*, Поле народа/войска). Там она встречает половину погибших на войне. Один берёт себе вторую половину в Валхаллу. Таким образом, Фрейя связывалась не только с деторождением и родами, но также со смертью и загробным существованием, завершая

¹² Thomas DuBois, *ibid*, p. 119.

¹³ *Ynglingsaga*, ch. 4

¹⁴ Richard North, *Heathen Gods in Old English Literature*, 1997, p. 108.

полный круг цикла жизни. В «Саге об Эгиле» (*Egils saga Skallagrímssonar* 79) дочь Эгиля Торгерд выражает уверенность в том, что после смерти она отправится к Фрейе (*engan hefi eg náttverð haft, og engan mun eg fyrr en að Freyju*). Будучи местом, предназначенным для мёртвых, Фолькванг Фрейи напрямую конкурирует с ранними католическими представлениями о рае и аде как о единственных местах пребывания душ умерших, предоставляя еще одну причину для Снорри не описывать культ богини. Конечно, сегодня мы не можем знать намерений Снорри, но достаточно сказать, что христиане считали культ Фрейи особенно оскорбительным. Мораль, проявленная в её мифологии и, в более широком смысле, в культе ванов, который она представляет, часто находится в прямом противоречии с христианскими принципами, которые пропагандируют безбрачие среди своих священников. Однако, как правило, эта заповедь не практиковалась среди ранних исландских новообращенных. Среди них священство было наследственным, и священники создавали семьи, как это было при старой религии.

Фрейя и её брат Фрейр — дети бога Ньёрда и его не названной сестры (*Lokasenna* 36, *Ynglingasaga* 4). Вместе со своим отцом они являются главными представителями ванов, племени божеств, которых чаще всего называют богами богатства и плодородия. Инцест был обычным явлением для этого божественного рода, но он был запрещён у асов¹⁵. В «Перебранке Локи» Локи сначала обвиняет Фрейю в том, что она спала со всеми богами и альвами (*Ása ok álfa*), собравшимися в палате Эгира, по-видимому, включая её отца и брата¹⁶. Чтобы подчеркнуть этот момент, он утверждает, что Фрейя, застигнутая богами «рядом со своим братом», пукнула (*Lokasenna* 32). В следующем стихе отец защищает её, говоря, что небольшая это беда, если женщина получает себе мужчину или двух, но вызывает негодование, что такой немужественный бог как Локи, который сам рожал детей, высказывает замечания¹⁷.

Ваны были популярными божествами, что подтверждается многими источниками. В аграрных районах Норвегии и Швеции записаны многочисленные названия, в которых *Freyr* является первым элементом¹⁸. Чаще всего имя бога входит в состав обозначений полей и лугов, таких как Фрейсакр (*Freysakr*, Пашня Фрейра), Фрейсланд (*Freysland*, Земля Фрейра) и Фрейсвин (*Freysvin*, Луг Фрейра). Другие, такие как Фрейсхов (*Freyshof*, Храм Фрейра), Фрейсве (*Freysvé*, Святилище Фрейра) и Фрейслунд (*Freyslundr*, Роща Фрейра), предполагают места публичного отправления культа. Снорри говорит нам, что Фрейр повелевает дождём и солнцем и, следовательно, тем, что рождает земля. Он также управляет богатством людей. Поэтому хорошо молиться ему о мире и процветании (*Gylfaginning* 24). «Сага о Хаконе Воспитаннике Адальстейна» (*Hakonar Saga Adalsteinsfóstra*) в «Круге земном» (*Heimkringla*) сохранила для нас древний обычай посвящать первый рог Одину за победу и власть конунга, а второй и третий — Фрейру и Ньёрду за мир и хороший урожай. (гл. 14: *Skyldi fyrst Óðins full, skyldi það drekka til sigurs og ríkis konungi sínum, en síðan Njarðar full og Freys full til árs og friðar*).

¹⁵ *Heimskringla, Ynglingasaga*, ch. 4.

¹⁶ *Lokasenna* 29; Слово *Ás* (мн. *Æsir*) не означает исключения из рассмотрения ванов, Ньёрда и Фрейра. В «Видении Гюльви» (*Gylfaginning* 23), Снорри называет Ньёрда асом, и в *Gylfaginning* 24, говорит, что Фрейр *ágætasti af ásum* (славнейший из асов) и Фрейя *ágætust af ásynjum* (славнейшая из асиний).

¹⁷ *Lokasenna* 33, согласно переводу Урсулы Дронке (Ursula Dronke tr.).

¹⁸ Turville-Petre, *Myth and Religion of the North*, p. 168, citing: Magnus Olsen, *Nordisk Kulture* XXVI, p. 60 ff and *The Farms and Fanes of Ancient Norway*, 1928 p. 263 ff; Jan de Vries, *Altgermanische Religionsgeschichte* ed 2, II, 1957, p. 195; E. Wessén, *Studier i Nordisk Filologi* XIV, 1923. and *Acta Philologica Scandinavica* IV, 1929, p. 97 ff.

Фрейр. Литография Й. Герца (Johannes Gehrts).

Культ Фрейра, тесно связанный с культом Фрейи, ассоциировался со властью конунга во всей языческой Скандинавии и поэтому представлял реальную угрозу вторжению новой религии. Народ Скандинавии часто обращался в христианство только после обращения своего конунга. Норвежский король Олав Трюггвассон считается первым конунгом-христианизатором Норвегии, приписывают ему не только Норвегию, но и Исландию и Гренландию. Многие монархи добивались поддержки своей новопринятой веры, чаще всего против воли людей, которыми они управляли. Один конунг из рода Инглингов, Олав Харальдссон, был позже канонизирован как святой Олав за свои усилия. Вероотступничество в этой среде не было редкостью.

Швеция была последним из скандинавских королевств, превратившимся в единое государство. Христианизация здесь шла медленнее. Народ страны состоял из свеёв, сосредоточенных в районе вокруг Уппсалы, и гётов на юге. Первым конунгом, который, насколько известно, управлял как свеями, так и гётами, был Олов Шётконунг (*Olof Skötkonung*), который правил до своей смерти в 1022 году. Олов был первым шведским конунгом, который активно продвигал новую религию, основав первое епископство в 1014 году в Скаре (*Skara*). На смену Олову пришел его сын Якоб, союзник Олава Харальдссона, конунга Норвегии, он правил после своего отца до самой смерти в 1055 году. После его правления Швеция вступила в период политической нестабильности на протяжении почти столетия. Языческий культ в Уппсале продолжал процветать до конца XI века. Страна была окончательно объединена в 1172 году, но сами шведы не были полностью христианизированы до конца XII века.

В исландских записях Ингви-Фрейр (*Yngvi-Freyr*) надолго сохранился в памяти как божественный король шведов. Согласно прозе Снорри в «Саге об Инглингах», он когда-то был человеческим конунгом, царствовавшим в мире и изобилии. После его смерти люди начали поклоняться ему как богу, принося ему в жертву золото и другие драгоценные металлы, чтобы мир и процветание продолжались. Последующие конунги Швеции приняли титул Ингви (*Yngvi*) после него, а их потомки были известны как Инглинги (*Ynglingar*). Саксон подтверждает эту связь, когда говорит: «Самыми отважными из свеонов были ... родственники бога Фрё (*Frø*) и весьма принципиальные толкователи воли богов¹⁹», с чёткостью заявляя, что они «считали основателями своего рода бога Фрё»²⁰. В «Саге об Инглингах» самые ранние приемники Ингви-Фрейра явно мифические фигуры, подобно самому Фрейру²¹.

Фрейр был главным богом шведов, и поэтому они называли его *Veraldar god*, «бог мира»²² (*Ynglingasaga* 10). Стюрмир Карасон (*Styrmir Kárason*²³), называет Одина богом немцев, Тора — богом англичан, а Фрейра — богом шведов²⁴. Согласно Снорри, Фрейр когда-то был королем-человеком, которому шведы приписывали длительный период хороших урожаев, называя это «миром Фроди» (*Fróða friðr*). В «Искусстве поэзии» (*Skáldskaparmál* 43) Снорри выдвигает альтернативную версию, приписывая этот мир рождению Христа во времена правления конунга Фроди Фридлейвссона, что соответствует правлению императора Августа. Поскольку Фроди был величайшим королём в северных странах, Снорри говорит, что скандинавы естественным образом приписали ему этот мир. Снорри сообщает нам, что Фроди владел мельницей по имени Гротти (*Grotti*), которая добывала золото, мир и процветание для его народа. В «Перебранке Локи» 44 о слуге Фрейра Бюгвире (*Byggvir*), чьё имя означает «ячмень», сказано, что он «болтает²⁵ под мельницей» (*und kvernom klaka*). Он угрожает перемолоть Локи конечность за конечностью, на что Локи отвечает, что Бюгвир никогда не знал, как правильно раздавать еду людям (*þú kunnir aldregi deila með mönnum mat*, v. 46)²⁶. В хрониках

¹⁹Все цитаты Саксона приводятся в переводе А. Досаева.

²⁰ Book 8, Fisher translation, p. 240.

²¹ Turville-Petre, *ibid*, p. 191.

²² От переводчика: под миром тут понимается окружающий нас мир, а не антитеза войне.

²³ От переводчика: Стюрмир Карасон Мудрый (1170?–1245), приор монастыря на острове Видей (*Videy*, недалеко от Рйкьявика), составил «Сагу о Святом Олафе» (*Óláfs saga helga*), от которой сохранились фрагменты, а также свою версию «Книги о занятии земли».

²⁴ E.O.G. Turville-Petre, *ibid*, p. 168, citing *Flateyjarbók* III, 246.

²⁵ От переводчика: дословно — кудахчет, клохчет или щебечет, как говорят о птицах.

²⁶ Урсула Дронке (*Ursula Dronke*) в *Poetic Edda, Vol. II*, p. 367 связывает эту историю с *Ynglingasaga*, 18, где конунг Даг понимал язык птиц и владел воробьём, который летал над разными землями и возвращался к хозяину с новостями. Однажды, когда птица не вернулась, Даг принёс кабана в жертву Фрейру — узнать причину. Он выяснил, что воробей питался на крестьянском поле в другой стране, и крестьянин убил его, метнув камень. Конунг послал войско отомстить за потерю, но раб, спасаясь от них, отбросил вилы назад и убил конунга». Дронке опознаёт Дага как фигуру, уподобленную Фрейру, связывая два зубца вил с клыками кабана, а воробья — с Бюгвиром, слугой Фрейра, который «щебечет» под мельничным жёрновом, замечая, что глагол *klaka*

Саксона несколько королей названы Фроди, и многие из их историй содержат элементы мифов Фрейра, не оставляя никаких сомнений в том, что Фрейр и Фроди тождественны.

Некоторые выводы о культе Фрейра и Фрейи можно сделать, рассматривая использование имён собственных и поэтических эпитетов у германских народов. Имя Фрейр означает «господин», так же как Фрейя означает «женщина, госпожа». Снорри говорит, что благородные женщины зовутся *fróvur* в честь её имени (*Gylfaginning* 23). В скальдических стихах, сохранившихся в исландских сагах, женщины названы в кеннингах *fægi-freyja* (блестящая (прилагательное говорит о чём-то, отполированном до блеска) Фрейя), *snyrti-freyja* (изысканная/элегантная Фрейя), *sör-freyja* (возможно, видная (собой), или Фрейя ожерелья). Связывают их и с валькириями через обозначение *val-freyja* (Фрейя убитых)²⁷. В прозе женщины упоминаются как *húsfreyja* (Фрейя дома). Среди готов личные имена включают *Fráuja*, *Froia* и *Froila*. В древневерхненемецком языке мы находим *Frewilo* и среди англосаксов *Wuscfreá*, с отсылкой к Фрейру²⁸. В «Поездке Скирнира» (*Skirnismál* 2) Фрейру дан эпитет *inn fróði*, что означает не только «плодородный²⁹», но и «мудрый»³⁰. Предполагается, что собственные имена Фрейр и Фроди, возможно, изначально были титулами или описательными обозначениями этого бога³¹. В «Перебранке Локи» (*Lokasenna* 43), а также в «Саге о конунге Олаве Святом» (*Saga Ólafs Konungs hins Helga*) Фрейр обозначен как *Ingunar-Freyr*. Конунги Швеции, которые, как говорят, являются потомками Фрейра и известны под общим названием Инглингов, каждый из них может быть назван *Yngvi* в его честь. Из-за этого один учёный правдоподобно предположил, что полное имя и звание бога, возможно, когда-то было *Yngvi-Freyr-inn-Fróði*, Господин Ингви Плодородный³². В англосаксонских источниках имени *Yngvi* соответствует *Ing*. В древнеанглийской поэме о рунах Инг описан как впервые появившийся среди восточных данов и ведущий за собой повозку, что сравнивают с культовой повозкой, ведомой Фрейром³³. В «Беовульфе» короля данов зовут *Frea Ingwina* (1319), имя, которое может означать «Господин и друг Инга». Гримм отмечает, что люди, которые были ближе к богам по служению и почитанию, особенно жрецы, имеют право на обозначение «друг бога» — явление, которое продолжилось в христианскую эпоху³⁴. В «Краткой песне о Сигурде» (*Sigurðrkvíða i skamma* 24) герой Сигурд обозначен как *Freys vinr*, друг Фрейра³⁵. Мы находим тот же термин в составе англосаксонского выражения *freáwine folca*³⁶ (*Beowulf* ll. 430, 2357, 2429), обычно используемом для обозначения героев и королей. Выражение это, как полагают, означает «господин и друг народа». В королевских родословных Уэссекса есть *Freáwine*,

использовался преимущественно для звуков птиц.

²⁷ Sveinbjörn Egilsson, *Lexicon Poeticum*, s.v. *Freyja*. (Sources: Kormak's Saga, Njal's Saga, and Gisli Sursson's Saga).

²⁸ Grimm, *ibid*, p. 211.

²⁹ От переводчика: слово *fróðr* в словарях имеет значения «знающий, учёный», иногда «воинственный, храбрый». Однако Е. А. Гуревич в статье «Мифологический и литературный контекст “Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам”» также пишет об эпитете бога: «*inn fróði* — «мудрый» (изначально “изобильный”)».

³⁰ Урсула Дронке (Ursula Dronke, *Poetic Edda*, Vol. II, p.404-405) замечает: «Благодаря малому, но достаточному свидетельству я убеждена, что здесь подразумевается двойной смысл, игра слов (a) *fróðr*, „мудрый“ и (b) *fróðr*, „плодородный“ . *Fróðr* (b) я вижу отражением в имени Фроди альтер-эго Фрейра, богатого и благословенного миром конунга...Конунг Фроди не может иметь имени, связанного с мудростью, раз он потерял Золотую Мельницу по своей глупости».

³¹ Turville-Petre, *ibid*, p. 170.

³² Turville-Petre, *ibid*, p. 170.

³³ Simek, *Dictionary of Northern Mythology*, p. 173.

³⁴ Grimm, *ibid*, p. 93.

³⁵ В стихе говорится, что Гудрун спала беззаботно рядом с Сигурдом, но проснувшись, обнаружила себя в крови «друга Фрейра», т.е. своего возлюбленного Сигурда. Кэролайн Ларрингтон (*Carolyn Larrington*) переводит это неточно, как «в крови своего возлюбленного» (*The Poetic Edda*, p. 185).

³⁶ J.R. Clark Hall, *A Concise Anglo-Saxon Dictionary*, 4th edition, 1960.

которого Саксон называет *Frowinus*, а в древневерхненемецких документах сохранилось собственное имя *Frówin*, оно часто встречается в дворянских семьях — всё это можно понимать как формы *Freys vinr*³⁷.

Вместе с Одином и Тором Фрейр — самый известный бог эпохи викингов. Традиционно исследования подчеркивают его мужскую силу, но это мнение основывается на предположении, что аграрному обществу нужен бог плодородия, что исключает другие его черты. Он не просто бог плодородия крестьянского населения, но обладает всеми предпосылками идеального короля: мужеством, военным мастерством и богатством — атрибутами, необходимыми для получения и сохранения престола³⁸. Способность гарантировать плодородие земли была важным качеством ранних скандинавских правителей. Подобно тому как Фрейр был хозяином урожаев, шведы считали, что успех или неудача посевов зависели от их конунга и его отношений с богами. «Сага об Инглингах» (*Ynglingasaga* 15) сохранила судьбу конунга Домальди из рода Инглингов, при власти которого год за годом в стране был неурожай, за чем последовал голод. В первый год шведы приносили в жертву быков, затем принесли в жертву людей, но урожай не стал лучше. На третий год они собрались в большом числе в Уппсале, где их вожди держали совет. Там они определили, что виноват сам конунг, и принесли его в жертву как дар богам, что положило конец голоду. Точно так же один из более поздних Инглингов, Олав Лесоруб (*Ólaf Trételga*) был сожжён в своем доме в качестве жертвы Одину после того, как очищенная им земля не смогла поддержать большой наплыв отправившихся занимать её людей. Как говорит Снорри, «шведы обычно считают, что конунг — причина как урожая, так и неурожая», хотя те из них, которые были мудрее, объясняли голод тем, что жителей было слишком много, чтобы земля смогла их поддержать³⁹.

Несмотря на приход новой религии, традиция возобладала в трудные времена. После усилий Харальда Прекрасноволосого (880-930 гг. н.э.) по христианизации страны Норвегия вернулась к язычеству под властью его сына⁴⁰ Хакона Ярла (936-60 гг. н.э.). Согласно истории норвежских королей, найденной в манускрипте «Красивая кожа» (*Fagrskinna*), «сыновья Эйрикра разрушили капища, но Хакон восстановил их»⁴¹. Он совершал жертвоприношения более активно, чем раньше, в результате чего урожаи зерна и улов сельди стали обильными, а погода благоприятной. Под его правлением, когда почитали древних богов, земля расцвела. Поэт Эйнар Звон Весов (*Einar Skálaglamm*) отмечает, что «на свете не было никого, кто распространял бы такой мир, кроме Фроди». Что касается самого Фрейра, мир и изобилие также приписывались его наследникам и потомкам. Такие языческие верования имели значение в политике даже после введения христианства. Сын Олава Эйрикссона (*Ólaf Eiriksson*), Якоб (*Jákob*), должен был изменить свое имя на Энунд (*Önund*), когда вступил на престол, потому что «Якоб» не считалось подходящим именем для конунга шведов. Согласно «Кругу земному», «Саге об Олаве Святом» (*Heimskringla, Ólafs Saga Helga*, 88) «шведам это имя не нравилось, и они говорили, что никогда еще у шведов не было конунга по имени Якоб⁴²»⁴³. На собрании шведов Упплэнда некий Фрейвид (*Freyviðr*) обратился со страстной

³⁷ Grimm, *ibid*, p. 211.

³⁸ Murdoch and Read, *ibid*, p. 89.

³⁹ Hollander, *ibid*, p. 44-45

⁴⁰ От переводчика: серьезная неточность автора. Харальд Прекрасноволосый, в отличие от своего сына Хакона Доброго (убит в 961г.), был язычником и не пытался никого обратить. А ярл Хакон Могучий, правивший Норвегией в 970х-995гг. после христиан Хакона Доброго и Харальда Серая Шкура, возродил почитание древних богов на уровне правителей, но не был потомком Харальда Прекрасноволосого.

⁴¹ Alison Finlay, *Fagrskinna: A Catalogue of the Kings of Norway, A Translation with Introduction and Notes*, Brill, 2004, Ch. 16, p. 87.

⁴² Здесь и далее использован перевод «Саги об Олаве Святом» Ю. К. Кузьменко.

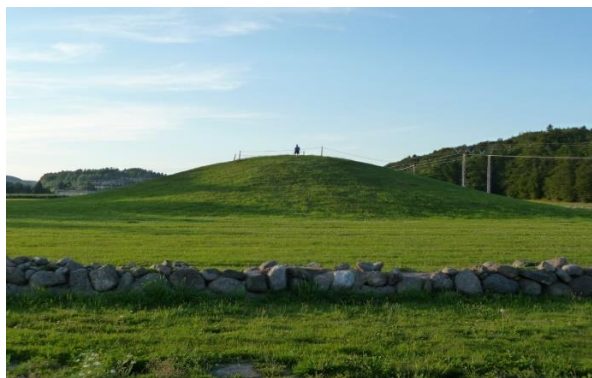
⁴³ Lee Hollander tr., Snorri Sturluson, *Heimskringla, History of the Kings of Norway*, 1964, p. 332.

просьбой: «Мы, шведы из Уппланда, не хотим, чтобы нашим конунгом стал человек не из рода древних конунгов, и есть возможность избежать этого. У конунга — два сына, и мы хотим, чтобы один из них стал конунгом. Но между ними большая разница. Один рожден женой конунга, и отец и мать у него шведы, а другой — сын рабыни, и его мать вендка»

Текст продолжает:

«Тут все одобрительно зашумели, и все захотели Якоба в конунги. (...) После этого братья Фрейвид и Арнвид велели привести на тинг Якоба конунгова сына, и он был провозглашен конунгом. Шведы дали ему имя Энунд (*Önund*), и потом так его и звали до самой смерти. Тогда ему было лет десять или двенадцать. Потом Энунд конунг набрал себе дружину и назначил предводителей. У всех них вместе было тогда столько людей, сколько он посчитал нужным. А всех бондов он распустил по домам⁴⁴».

Скандинавы называли свою религию *forn sed*, старый обычай, а обращение в христианство — сменой обычая, *siðaskipti*. Это лингвистическое уточнение позволяет нам рассматривать языческую религию как набор социальных условностей, освященных древностью и происходящих из мифологического прошлого⁴⁵. В этом контексте отказ шведских бондов от имени Якоб может быть истолкован как отказ от новой веры. Имя одного из учеников Христа не было приемлемо для языческого народа в качестве имени правителя. В том же источнике говорится, что конунг Олав отправил своего другого сына Эмунда (*Emund*) в Вендланд, где его воспитывали родственники со стороны матери, добавив, что он не придерживался христианства в течение какого-то периода времени⁴⁶. В «Песне о Вёлунде» (*Völundarkviða* 2) имя Анунд (*Anund* или *Önund*) используется как имя Вёлунда (*Völund*), кузнеца альвов⁴⁷. В стихах 16 и 18 той же песни Вёлунд характеризуется как «князь альвов». В «Речах Гримнира» (*Grimnismál* 5) альвы тесно связаны с Фрейром, которому «на зубок» (после прорезания первого зуба) даруется их царство Альвхейм. То, что шведский конунг должен был носить имя, основанное на языческом познаниях, связанных с Фрейром, а не имя одного из апостолов, демонстрирует, что язычество оставалось политической силой в Швеции даже после обращения. Сами шведы снова стали язычниками после смерти короля Олава и оставались язычниками дольше, чем в Исландии, которая приняла новую религию мирно, но неохотно, в 1000 году нашей эры.

Курган Гокстада (*Gokstadhaugen, Sandefjord, Норвегия, снимок 2008 г.*), где найден был известный Гокстадский корабль с богатым мужским погребением в нём. Умерший отождествляется исследователями с конунгом Олавом Гейрстадаальвом.

⁴⁴ Hollander, *ibid*, p. 349.

⁴⁵ *Early Germanic Literature and Culture, Volume 1* (2004), Edited by Brian Murdoch and Malcolm Read, p. 74.

⁴⁶ Hollander, *ibid*, p. 332.

⁴⁷ От переводчика: В «Песне о Вёлунде» 2 есть строка *önnur var Svanhvít*, которую в русском переводе передают как «Сванхвит [была] вторая (букв. другая)». Возможно, английские переводчики использовали другую нормализацию исходного текста.

Что касается короля Олава Харальдссона, то «Сага об Олаве Святом» (*Ólafs Saga Helga*, 106) из «Книги Плоского Острова» (*Flateyjarbók*) сообщает нам, что его современники полагали, что он был вновь рождённым древним конунгом Олавом Гейрстадаальвом (*Geirstadaalf*, Альв Гейрстадира). Конунг, добавляет текст, знал об этом, но называл это языческим суеверием. Олав Гейрстадаальв был известен как дядя Харальда Прекрасноволосого, потомка Инглингов и первого правителя, объединившего Норвегию. История Олафа Гейрстадаальфа, излагаемая в «Книге Плоского острова», говорит о том, что он правил в двух уделах — Упси (*Upsi*) и Вестмаре (*Vestmar*). Его престол находился в Гейрстадире в Вестфолде. Согласно «Древней саге» (*Fornaldarsaga*), известной так же под названием «О конунгах Уплёнда» (*Af Upplendinga Konungum*), он был необычайно высоким, сильным и красивым на вид. Говорят, что он храбро защищал свое королевство от врагов и что под его правлением преобладали хорошие урожаи и мир, так что людей стало значительно больше. Тем не менее, однажды его обеспокоил тревожный сон. Собрав людей на тинг, конунг Олав рассказал, что ему снилось, будто бы большой чёрный бык с востока шёл по всей стране, убивая так много людей своим ядовитым дыханием, что погибших было столько же, сколько выживших. Бык этот убил его и его свиту. Олав истолковал присутствующим свой сон, сказав: «В этой стране долго были добрый мир и урожай, но в ней живет намного больше народу, чем способна прокормить эта земля. Бык, который мне приснился, может оказаться болезнью, что грядёт к нам с востока, и, должно быть, она вызовет великий мор. В конце концов она настигнет и мою дружину, и похоже, что и сам я последую за ней⁴⁸». Он попросил, чтобы люди не приносили ему жертв после его смерти. Со временем сон конунга Олава сбылся. Люди положили его в курган со многими сокровищами, и позже, когда случился неурожай, люди пожертвовали ему, несмотря на его запрет, и назвали его Гейрстада-альв («альв Гейрстадира»). Эта история, рассказанная в «Книге Плоского острова» (*Flateyjarbók*), связана со стихом из «Перечня Инглингов» (*Ynglingatal*⁴⁹), встречающимся в разных вариантах в «Книге Плоского острова» и «Круге земном». Эти истории об Олаве-альве были записаны не позднее 1200 года, и, таким образом, являются одними из более старых историй о св. Олаве⁵⁰. Они содержат замечательные параллели с культом Фрейра.

Мужская и женская фигуры из жертвенного болота Браака (Braak, Гольштейн, Германия). II-III вв. до н.э.

⁴⁸ Текст приводится в русском переводе Е. Гуревич.

⁴⁹ *Ynglingasaga*, 49.

⁵⁰ Turville-Petre, p. 194.

Подробности, касающиеся культа Фрейра, могут быть получены из таких разнообразных источников, как сочинение IX века «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (*Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*) Адама Бременского, «Деяния данов» (*Gesta Danorum*) Саксона Грамматика XII в. и исландские повествования XIII и XIV веков. Ближе к концу девятого века немецкий клирик Адам Бременский описывает храм в Уппсале, в котором находятся три идола богов Водана (Одина), Тунара (Тора) и Фрикко (Фрейра). Таковую же триоцу можно увидеть в «Речах Скирнира» (*Skirnismál* 33), где упоминаются Один, Асабраг (*Ásabragr*, Лучший из асов, т.е. Тор) и Фрейр. Согласно Адаму, Вотан (чьё имя он переводит как «Яростный») нёс войну и придавал силу людям; Тунар владычествовал в воздухе, управляя громом и молнией, ветрами и дождями, хорошей погодой и урожаем; в то время как третий бог, Фрикко, даровал мир и наслаждение смертным. Каждому из этих богов были назначены жрецы, чтобы приносить жертвы от имени народа. Если угрожали чума и голод, возлияния совершали богу Тунару; если была неизбежна война, Вотану; если надо было заключать брак, Фрикко⁵¹. Фрикко, чье имя является мужским аналогом имени Фригг, супруги Одина, обычно считают Фрейром или тесно связанным с ним богом⁵². Саксон говорит, что жертвоприношения, посвящённые Фрейру в Уппсале, сопровождалась женственными жестами, хлопаньем мимов на помосте и немужественным звоном колокольчиков⁵³. По словам Адама Бременского, изображение Фрикко было снабжено огромным фаллосом, символом, соответствующим тому, что мы знаем о Фрейре. Основываясь на этих доказательствах, небольшая статуэтка, найденная на ферме Реллинге (*Rällinge*) в приходе Лунда в Швеции в 1904 году и изображающая сидящего человека с эрегированным пенисом, была идентифицирована как Фрейр⁵⁴. В остроконечной шапке он сидит, скрестив ноги и держась за бороду. Статуэтка высотой девять сантиметров в настоящее время выставлена в Шведском музее национальных древностей. Были также обнаружены многочисленные антропоморфные фигуры различных размеров, вырезанные из веток деревьев. В жертвенном болоте в Обердорле (*Oberdorla*) в Тюрингии было найдено несколько грубых деревянных идолов. Некоторые из этих фигур явно женские, например трехметровая фигура из Форлев Нимолле (*Forlev Nymølle*) в Ютландии, которая представляет собой немногим большее, чем ветвистую ветвь дерева с прорезью для обозначения вульвы, и явно мужская фигура из Бродденбьерга (*Broddenbjerg*) в Ютландии с единственным сучком, образующим несоразмерный эрегированный пенис⁵⁵. Считается, что одиночная фигура, найденная в контексте жертвоприношения оружия в Эйсболе (*Ejsbøl*) в Ютландии, представляет бога, которому была посвящена жертва. Эти деревянные фигуры иногда встречаются в парах из мужчины и женщины, как, например, высокие, хорошо вырезанные фигуры из Браака (*Braak*) около Ютина (*Eutin*) в Шлезвиг-Гольштейне, относящиеся к раннему железному веку, так что они могут представлять Фрейра и Фрейю. Хроника *Lanercost Chronicle*, северная английская и шотландская историческая летопись, сообщает под 1201 годом:

В течение этого года в Лаодонии (*Laodonia*) мор, что традиционно именуют «недугом лёгких», и который бывает свиреп, буйствовал в стадах животных, [и] монахи по одежде, но не по духу, научили необразованных людей страны возжигать огонь, полученный трением

⁵¹ *Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, chs. 26 and 27.

⁵² Peter Orton, "Pagan Myth and Religion", *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*, edited by Rory McTurk, p. 305.

⁵³ *Gesta Danorum*, Book 6.

⁵⁴ *Early Germanic Literature and Culture*, Volume 1, Edited by Brian Murdoch and Malcolm Read (2004), "Germanic Religion and the Conversion to Christianity" by Rudolf Simek, pp. 73-101; p.78.

⁵⁵ *Early Germanic Literature and Culture*, Volume 1, Edited by Brian Murdoch and Malcolm Read (2004), "Germanic Religion and the Conversion to Christianity" by Rudolf Simek, pp. 73-101; p.78.

дерева, и устанавливать подобие Приапа и тем спасать скот⁵⁶.

Подобно Фрейру, Приап был божеством плодородия, изображаемым римлянами в состоянии эрекции. Его появление в северной Англии в XIII веке лучше всего объясняется как *interpretio Romana* (римская интерпретация) местного божества.

Итифаллический идол из Бродденбьерга (Broddenbjerg), Ютландия, Железный век.

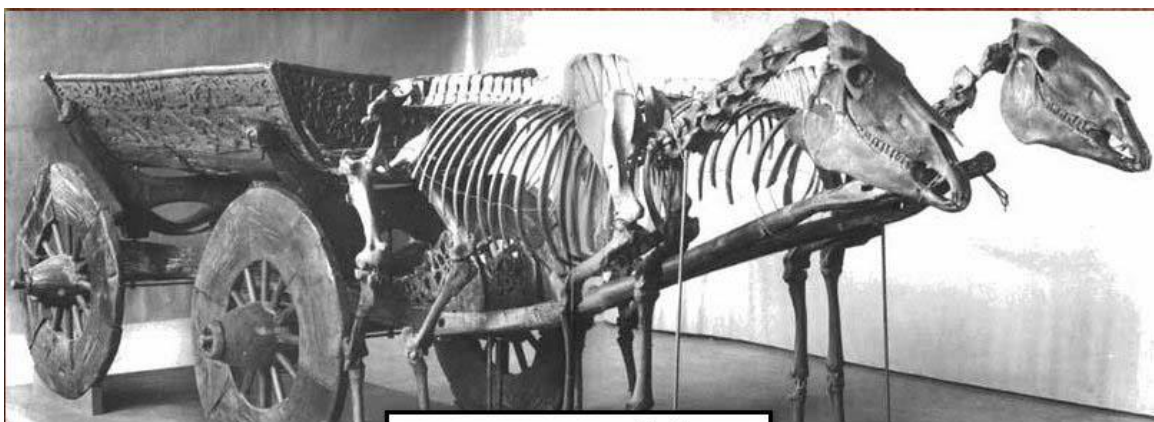
Мысль о том, что идолы Фрейра обладали фертильными силами, подчеркивается в исландской истории XIV века, найденной в «Книге Плоского острова». «Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам» (*Ögmundar þáttur dytts ok Gunnars helmings*) рассказывает историю молодого норвежца по имени Гуннар, ложно обвиненного в убийстве. Он бежит в Швецию, где встречается с молодой женщиной, которая, как говорят, является супругой бога Фрейра. Он присоединяется к женщине, вероятно, жрице, когда она путешествует по сельской местности в повозке в конце года в сопровождении деревянного идола, изображающего бога. Во время метели Гуннар усаживается в повозку, оскорбляя бога, и завязывается борьба. Обратившись к христианскому божеству за поддержкой, Гуннар выгоняет идола, заставляя Фрейра бежать. Позже, когда жрица забеременела от Гуннара, люди расценили это как признак силы бога. Хотя и поздняя, история, кажется, подтверждает некоторые аспекты древней традиции⁵⁷. Эту историю чаще всего сравнивают с историей Нертус (Тацит, «Германия», ч. 40), которая также путешествует по сельской местности в повозке в сопровождении жрецов противоположного пола. Археологические находки подтверждают существование таких церемониальных средств передвижения, в особенности можно тут вспомнить повозку с затейливой резьбой, найденной в корабельном погребении IX века в Осеберге. Эйнхард, биограф Карла Великого, говорит, что Хильдерик III, последний из длинноволосых королей династии Меровингов, ежегодно отправлялся на публичное собрание в двухколесной повозке, запряжённой быками под ярмом, которых направлял пастушок в «деревенском стиле⁵⁸». Учитывая церемониальный статус короля, процессия Хильдерика, едущего на быках, может

⁵⁶ Перевод на английский К. О'Харрис (Carla O'Harris); Оригинал: *cum hoc anno in Laodonia pestis grassaretur in pecudes armenti, quam vocant usitate Lungessouth, quidam bestiales, habitu claustrales non animo, docebant idiotas patriae ignem confrictione di lignes educere et simulachrum Priapi statuere, et per haec bestus succurrere.*

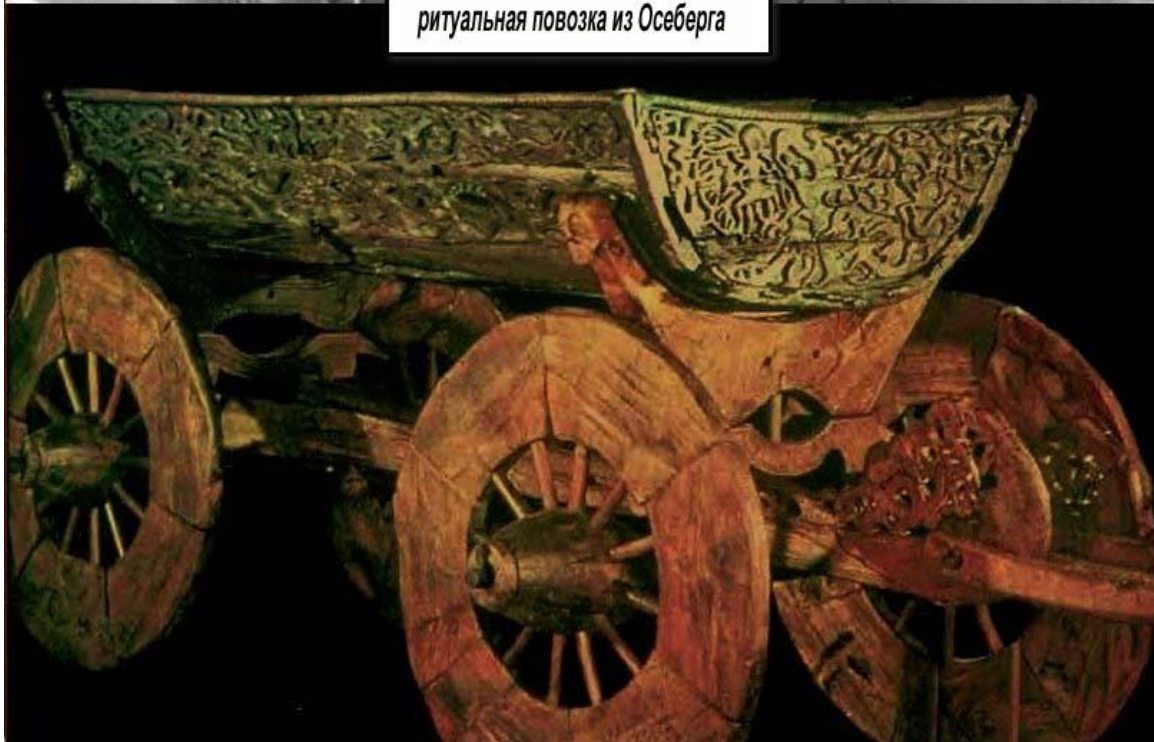
⁵⁷ Orton, *ibid*, p. 304-305.

⁵⁸ *Vita Karoli Magni*, ed. Pertz and Waitz, p. 3, cited by Richard North, *Heathen Gods in Old English Literature*, p. 47.

принадлежать традиции Меровингов. Стюарт Пиггот (*Stuart Piggot*) предположил, что это королевское шествие ведёт происхождение от путешествия в повозке Нертус, так как франки прибыли на юг из областей с археологическими находками церемониальных четырехколесных повозок среди votивных болотных приношений, таких как Дейбьерг (*Dejbjerg*) и Хусбю (*Husby*)⁵⁹. Дж. М. Уоллес-Хадрилл (*J.M. Wallace-Hadrill*) считает, что повозка, запряженная быками, может быть отсылкой к Квинотавру, мифическому зверю, упомянутому в «Хронике Фредегара» в VII веке. Считалось, что он породил Меровея, основателя меровингов, после того, как похитил жену франкского короля Хольдио (*Choldio*). Описано чудовище как *bestia Neptuni Quinotauri similis*, «зверь Нептуна, похожий на Квинотавра», название последнего переводится с латыни как «бык с пятью рогами». Происхождение легенды неизвестно и может уходить корнями в исконную франкскую мифологию. Связь быка и моря, имеющая параллели в других индоевропейских мифологиях, еще раз указывает на культ ванов, возглавляемых богом моря Ньёрдом.

ритуальная повозка из Осеберга

Повозка из Осебергского кургана.

⁵⁹ Waggon, Chariot and Carriage: Symbol and Status in the History of Transport (1992), p. 35.

В рассказе «Книги Плоского острова» Фрейра называют *blótguð svía*, «бог жертвоприношений шведов»⁶⁰. В «Саге об Инглингах» (*Ynglingasaga* 4) евгемеризированный Один назначает Ньёрда и Фрейра *blótgoði* (жрецами жертвоприношений) у асов. Дочь Ньёрда, Фрейя, является их *blótgyðja* (жрицей жертвоприношений). Германские болота содержат многочисленные примеры жертвенных животных, в основном лошадей, крупного рогатого скота и овец, все они демонстрируют признаки ритуального убийства⁶¹. В первой книге Саксона Грамматика «Деяния Данов» герой Хаддинг устраивает ежегодный праздник, известный как *Fröblot*, *Frö* — датский эквивалент Фрейра⁶², в котором жертвовали только животных «тёмного цвета» (*furvis*)⁶³, вспомним чёрного быка из сна Олава Гейрстадаальва. Чёрный цвет, обычно ассоциируемый со смертью или злом в христианской иконографии, был цветом плодородия и почвы в Древней Европе⁶⁴. В «Саге о Хравнкеле Годи Фрейра» (*Hrafnkels Saga Freysgóða* 2) жрец Фрейра Хравнкель посвящает богу половину всего своего лучшего скота. Его самым ценным животным был жеребец с тёмными хвостом и гривой и тёмной полосой на спине (гл. 3). Он так любил этого коня, что посвятил половину его Фрейру, назвал его Фрейфакси (*Freyfaxi*)⁶⁵ и дал торжественный обет убить любого, кто когда-либо сядет на этого жеребца, и клятву эту он в конечном итоге подтвердил делом. В «Саге о людях из Озёрной долины» (*Vatnsdæla Saga* 34), появляется другая лошадь по имени Фрейфакси, с «цветной гривой». В «Саге о Глуме Убийце» (*Víga-Glúms saga* 9) человек по имени Торкель идёт в храм Фрейра и предлагает богу быка. В «Пряди о Брандкросси» (*Brandkrossa þáttur* 1) крестьянин убивает и готовит быка, посвящая весь праздник Фрейру. В «Песне о Хюндле» (*Hyndluljóð* 10) Оттар окрашивает алтарь Фрейи бычьей кровью (*nauta blóði*). Поскольку имя Фрейра входит в перечень имён быков⁶⁶, один ученый предполагает, что Фрейру и Фрейе поклонялись в форме быка и коровы⁶⁷. В свете этого мы можем заподозрить, что третий бог, названный в Саксонской клятве при крещении (*Saxon Baptismal Vow*) был именно Фрейром, так как имя «Саксот» (*Saxnōt*) может на самом деле означать «Бык саксов» (*sæx-naut*)⁶⁸.

Лошади также использовались для жертвоприношения, и их мясо, особенно печень, съедалось⁶⁹. Остатки жертвоприношений коней в Рислеве (*Rislev*) на Зеланде ограничиваются черепами, голеньями и хвостами, этот тип жертвоприношений также задокументирован в Вестервиге (*Vestervig*, Ютландия) и Сорте Мульд (*Sorte Muld*, Борнхольм)⁷⁰. Кажется вероятным, что большая часть мяса лошади, ритуально убитой ударом по лбу, бывала съедена на общинном празднике. В «Саге о Храфнкеле Годи Фрейра», после того, как жрец Фрейра был побеждён, коня Фрейфакси привели на скалу и столкнули в омут под ней, поскольку «пусть лучше берёт его к себе тот, кому он принадлежит». Для этого люди

⁶⁰ I, 339, cited by Turville-Petre, p. 173.

⁶¹ Murdoch and Read, *ibid*, p. 77.

⁶² Saxo Grammaticus, *The History of the Danes, Books I-IX*, Hilda Ellis Davidson, Edition and Commentary. Peter Fisher translation., 1979-80, Commentary on the Text, p. 34, n. 56

⁶³ Saxo, Book 1: «А именно, чтобы успокоить богов, он ‘принёс чёрные жертвы’ богу Фрё. Это жертвоприношение ‘он совершал каждый год заново’, завещав так же поступать и своим потомкам. Свеоны называют это ‘Фрёблød’» (перевод А. Досаева).

⁶⁴ Marija Gimbutas, *The Language of the Goddess* (1989), p. 144.

⁶⁵ От переводчика: Гривастый Фрейра, к *fax* — грива. Ср. поэтическое *vallar fax* — грива поля, т.е. лес.

⁶⁶ *Nafnabula* 89, Edda, Anthony Faulkes tr., p. 163.

⁶⁷ Turville-Petre, *ibid*, p. 256.

⁶⁸ Vatican Codex pal. 577: *Ec forsacho allum dioboles uuercum and uuordum, Thunaer ende Uuöden ende Saxnote ende allum them unholdum the hira genötas sint* («Я отрекаюсь от всех слов и дел дьявола, Тунера (*Thunear*), Водена (*Wöden*) и Сакнота (*Saxnōt*), и от всех тех бесов, что с ними связаны»). От переводчика: саксонская клятва при крещении, также называемая клятвой на кресте в Утрехте, — это клятва, дававшаяся при крещении саксами в IX веке, после завоевания языческой страны франками. Найдена в монастырской библиотеке в Майнце, Германия.

⁶⁹ *Heimskringla, Hákonar Saga Góða*, ch. 18.

⁷⁰ Murdoch and Read, *ibid*, p. 77, citing Michael Müller-Wille, *Opferkulte der Germanen und Slaven*, 1999, p. 32-33.

надели коню на голову кожаный мешок, привязали камень на шею, взяли длинные жерди и стали толкать его с боков вперёд. Эта история подтверждается норвежскими традициями, и поэтому может рассматриваться как пародия на жертву Фрейру⁷¹. Широко распространено мнение, что язычники ели конину, что, вероятно, имело религиозное значение, поскольку ряд христианских эдиктов решительно осуждают это. После своего обращения исландцы были освобождены от этого запрета⁷². Ассоциация Фрейра и с лошадей, и с огромным фаллосом может ещё больше связать его с другой историей, известной в «Книге Плоского острова», как «Прядь о Вэльси» (*Völsa þáttur*), глава из «Саги об Олаве Святом» (*Ólafs saga Helga*). «Прядь о Вэльси» рассказывает, что однажды, когда сын крестьянина забил коня на мясо, он взял отрубленный член животного и принес его домой в качестве шутки. Вместо того, чтобы воспринимать это как шутку, его мать тщательно вытерла принесённое, завернула в лён вместе с луком-пореем и другими травами, чтобы предотвратить гниение, а затем положила в сундук, назвав его Вэльси (*Völsi*)⁷³. Каждый вечер после этого она доставала его и обращалась к нему с молитвами, полагая, что это её бог. Она заставила остальную семью участвовать в этом, ежевечерне передавая фаллос за столом с тем, чтобы каждый из них прочитал над ним вису. Со временем вещь выросла и стала настолько сильной, что могла стоять вертикально рядом со старухой, когда та этого хотела. Когда туда явился конунг-миссионер Олав Трюггвассон, он бросил Вэльси домашней собаке и обратил семью в новую веру. Слово «собака», *hundurinn*, здесь обозначает «суку» и, таким образом, может быть соотнесено со стихом-нидом Хьяльти, адресованным Фрейре⁷⁴. Рассмотренные выше литературные источники, как правило, демонстрируют презрение к языческим обычаям, насмешки над ваническими обрядами со стороны представителей более ханжеской христианской веры.

Другие исландские труды также упоминают культ Фрейра. «Книга об исландцах» (*Íslendingabók*), старейший исландский источник, упоминающий Фрейра (ок. 1125 г. н.э.), включает его в родословную шведских королей. «Книга о занятии земли» (*Landnámabók*) сохранила языческую клятву, призывающую Фрейра, Ньёрда и «всемогущего аса» (*almáttugur áss*, Топ), при даче присяги на Альтинге. «Сага о Хервёр» (*Hervarar Saga*) упоминает жертвоприношение кабана во имя Фрейра на Йоль. «Сага о людях Озёрной долины» (*Vatnsdæla Saga* 10) рассказывает о серебряном амулете с изображением Фрейра. В «Саге о Гисли сыне Кислого» (*Gísla Saga Súrssonar*), когда предводитель по имени Торgrim Годи Фрейра (*Þorgrímur Freysgoði*) умер и был похоронен в кургане, произошла удивительная вещь: на южной стороне кургана не было снега и он не замерзал. Подобным образом в «Саге о Глуме Убийце» говорится, что храм Фрейра стоял возле хутора Приток (*Þverá*). Владение включало в себя поле под названием *Vitazgjafi* (Надёжный податель), которое никогда не бывало неплодородным. Хотя в саге об этом прямо не говорится, большинство учёных предполагает, что ответственен за плодородие на этом поле был именно Фрейр⁷⁵. В «Саге об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам» (*Ögmundar þáttur dytts ok Gunnars helmings*) сказано, что идол Фрейра обеспечивает *árbót*, «улучшение урожая», когда он путешествует по стране. Точно также сам Фрейр называется *árguð* (бог урожая) в «Искусстве поэзии» (*Skáldskaparmál* 14).

Успешное ведение сельского хозяйства зависит от мира, но из-за этого не следует считать

⁷¹ Turville-Petre, *ibid.*, p. 254 citing A. Liestøl, *Maal og Minne*, 37, 1945, pp. 59-66; and K. Liestøl, *Arv*, II, 1946, pp. 94-110.

⁷² Murdoch Read, *ibid.*, p. 78. От переводчика: трудно сказать, что тут имеется в виду, поскольку и в сагах, и в законах острова запрет на поедание конского мяса для христиан повторялся регулярно.

⁷³ Слово, вероятно, происходит от *völr*, «жезл, посох» согласно E. O. G. Turville-Petre, *ibid.*, p. 317.

⁷⁴ В *Hyndluljóð* Фрейя спорит с колдуньей по имени *Hyndla*, чьё имя означает «сука». Это может быть более чем образно, т.к. напоминает нам о куплете Хьяльти Скеггьяссона (McKinnell, *ibid.*, p. 87). В европейском фольклоре воющая собака часто является предвестником смерти, и иногда видится спутником божественных фигур, таких как Фрау Холле и Нехаления. (Gimbutas, *ibid.*, p. 197).

⁷⁵ *A Piece of Horse Liver: Myth, Ritual and Folklore in Old Icelandic Sources* by Jón Hnefill Aðalsteinsson, translated by Terry Gunnell and Joan Turville-Petre, 1998, p. 89.

ванов пацифистами. В «Прорицании вёльвы» (*Völuspá* 24) говорится, что ваны победили асов во время войны. Они прорвались сквозь стену Асгарда и взяли равнину благодаря *vígspá*, боевому заклятию⁷⁶. Как и его сестра Фрейя, Фрейр ассоциируется с войной. В «Видении Гюльви» (*Gylfaginning*) Снорри сообщает нам, что Фрейр лично убил великана Бели, вооруженный только рогом оленя. Некогда он носил меч, который, согласно «Перебранке Локи» (*Lokasenna* 42), отдал своему слуге Скирниру как дар за Герд. Тем не менее он принимает активное участие в битве во время Рагнарёка, отважно сражаясь с Суртом. Только тогда будет он сожалеть о потере этого оружия. В стихе Эйнара Звон Весов (*Einar skálaglamm*) о смерти Харальдра Эйриксона от рук ярла Хакона поэт описывает воина как «Фрейра (бога) боевых лыж (меча)» (*folkskiðs Freyr*)⁷⁷. В «Речах Скирнира» (*Skírnismál* 3) Фрейр сам назван *folkvaldi goða*, «полководец богов»⁷⁸. В «Драпе о доме» (*Húsdrápa*) его называют «опытным в бою» (*böðfróðr*) и говорят, что он управляет войсками (*folkum stýrir*)⁷⁹. В «Перебранке Локи» (*Lokasenna* 35) он *ása jaðarr*⁸⁰, «защитник асов»⁸¹. Его называют *Atriði*, имя, по-видимому, обозначающее того, кто едет на войну⁸², а его лошадь зовется *Blóðughófa*, «Кровавое копыто», подходящее имя для боевого коня⁸³. Сам Фрейр считается «самым смелым из всадников» (*Lokasenna* 37).

Фигурка из Реллинге, изображающая Фрейра. Бронза. Литье. XI в. н. э.

⁷⁶ От переводчика: перевод фразы *knáttu vanir vígspá völlu sporna* неоднозначен. Либо *vígspá* можно понимать, подобно автору, как «предвидение (в) битве», либо как «предвещение битвы» (вин.п., мн.ч., как и *völlu*). Либо, согласно Исландско-английскому словарю Клизби - Вигфуссона (*Cleasby-Vigfusson Icelandic-English Dictionary*) и принятым переводам, слово является искажением *vígsjár* — «беззащитный перед войной, открытый нападению». В итоге наиболее вероятный перевод будет: «смогли ваны по беззащитным полям наступать». Либо же, с меньшей вероятностью: «смогли ваны по битво-вещим (?) полям ступать».

⁷⁷ Alison Finlay, *Fagrskinna*, p. 87.

⁷⁸ Ursula Dronke tr.; В англо-саксонской поэзии это обозначение использовалось как имя собственное, *Finn Folkvalding*, возможно с отсылкой к эльфам, так как эльфы/альвы в поздних скандинавских источниках часто приравнивались к финнам (ср. прозаическое вступление к *Völundarkviða*).

⁷⁹ *Skáldskaparmál* 7.

⁸⁰ От переводчика: согласно словарю *Cleasby-Vigfusson Icelandic-English Dictionary* дословное значение «край/граница асов», метафорически понимается как «лучший из всех асов». Что несколько отличается от предлагаемого здесь.

⁸¹ Beatrice Lafarge and John Tucker, *Glossary to the Poetic Edda*, s.v. jaðarr.

⁸² “*som rider frem til kamp*”, *Lexicon Poeticum*, s.v. Atriði.

⁸³ *Skáldskaparmál*

Главные атрибуты Фрейра — это кабан и корабль, и оба эти символа преобладают в иконографии Северной Европы. Согласно «Искусству поэзии» (*Skáldskaparmál* 35), они являются подарками ему от древних мастеров. Сыновья Ивальди подарили Фрейру чудесный корабль «Скидбладнир» (*Skidbladnir*), факт, подтвержденный «Речами Гримнира» (*Grimnismál* 43), а умельцы Брокк и Синдри дали Фрейру золотого кабана, называемого Гуллинбурсти (*Gullinbursti*, Золотая щетина) или Слидругтанни (*Slidrugtanni*, Ужасный клык). Согласно «Младшей Эдде», Гуллинбурсти может бежать по морю и небу и днём, или ночью быстрее, чем любая лошадь. Его золотая щетина излучает такой блеск, что везде, где бы он ни был, становится светло. На этом кабане Фрейр приехал к месту сожжения Бальдра⁸⁴. Фрейя, характеризующаяся женскими чертами, видимо, разделяет символику своего брата. Она также ездит на вепре в стихотворении «Песнь о Хюндле» (*Hyndluljóð*). Там кабана зовут Хильдсвини, «Боевая свинья», и его сделали согласно стиху 7 для неё дверги Даинн (*Dainn*) и Набби (*Nabbi*). Колдунья Хюндла понимает, что кабан на самом деле её превращённый возлюбленный Оттар (*Ottar*, возможно — *Oðr*) «на путях убитых» (стихи 6, 7, 8). Сама Фрейя подтверждает, что они на пути в Вальхаллу (стих 1). Из «Речей Гримнира» (*Grimnismál*) мы узнаём, что герои Вальхаллы, эйнхерии, питаются мясом постоянно возрождающегося кабана, Сэхримнира (стих 18). Снорри сообщает нам, что «сколько бы ни было людей в Вальгалле, всегда хватает им мяса вепря по имени Сэхримнир. Каждый день его варят, а к вечеру он снова цел». (*Gylfaginning* 38). В «Вороновом заклинании Одина» (*Hrafnagaldur Óðins* 19) говорится, что кабан питает собой всех богов. Точно так же эйнхерии пьют вечно-текущее молоко козы Хейдрун (стих 25). Хюндла, говоря о Фрейе, уподобляет её, влюблённую в Оттара, «бегущей, как Хейдрун с козлами бегать умеет» (стих 31). Согласно «Речам Гримнира» (*Grimnismál* 14), Фрейя забирает половину убитых воинов в свой зал Фолькванг, в то время как Один берёт оставшихся в Вальхаллу.

Не только любовник Фрейи представлен в форме кабана, но среди её многочисленных эпитетов мы находим *Sýr*, что означает «свиноматка», это вызывает в уме образ матери-свиньи. В исландских документах это же имя используется как прозвище для конунга. Отчим святого Олава, конунг Сигурд, малый конунг Хрингарики в Норвегии, упомянутый в «Круге земном» (*Heimskringla*), «Красивой коже» (*Fagrskinna*) и «Гнилой коже» (*Morkinskinna*), был известен как *Sigurdr sýr*. Прозвище также встречается в родительном падеже, *sýrar*, в «Обзоре саг о норвежских конунгах» (*Ágrip af Noregskonungasögum* 37) и в стихе одиннадцатого века. Учёные, такие как Элисон Финлэй (*Alison Finlay*), обычно согласны, что это обозначение связано с *Sýr*, поэтическим именем богини Фрейи, отсылая к её связи со свиньями⁸⁵. В «Саге об Олаве Святом» (*Ólaf Saga Helga*, 33), когда Олав приходит навестить Сигурдара Свинью, ища его помощи в завоевании всего королевства Норвегия, он нахошёл отчима усердно трудящимся на полях. Он был там со многими мужчинами. Некоторые жали колосья, некоторые вязали их в снопы, а некоторые свозили зерно в сарай. То, что сага говорит о Сигурде Свинье, напоминает легендарного короля Фроди, который, вероятно, идентичен самому Фрейру. Он был одним из самых мудрых людей, живущих в Норвегии, и богат скотом. У него был миролюбивый нрав и он не был воинственен. Он был тружеником и хорошим землепашцем, который управлял своим имуществом и хутором, сам занимался домашними делами. Воинственный Олав и его мать Аста, жена Сигурда, презирали его за это. После смерти Сигурда Олав расспросил каждого из своих младших сводных братьев, сыновей Сигурда, чего бы они хотели больше всего. Первые двое хотели владеть большими хуторами, как их отец. Младший сын Харальд, однако, заявил, что ему нужны дружинники-хускарлы, столько, чтобы они съели всех коров его братьев. На это Олав засмеялся и сказал матери, что она воспитывает

⁸⁴ См. стих из *Húsdrapa* Ульва Уггасона (*Ulf Uggason*), приводимые в *Skáldskaparmál* 8, Faulkes tr.

⁸⁵ Alison Finlay, *Fagrkinna*, p. 145.

конунга. Со временем младший сын стал Харальдом Суровым Правителем, конунгом Норвегии с 1047 по 1066 годы. «Гнилая кожа» рассказывает, что Харальд гневался, когда ему напоминали прозвище его отца. Эти упоминания озадачили ученых. Однажды на пиру за выпивкой Харальд оскорбил брата конунга Магнуса, сказав, что он слышал, будто бы его отец был *hvinngestr* (гость-воришка). Его брат посоветовал ответить:

*Gerði eigi sá garð of hestredr
sem Sigurð sýr sá vas þinn faðir.*

Не делал он ограды вокруг конского члена
как Сигурд Свинья, тот был твоим отцом⁸⁶.

Предполагается, что оскорбление основано на сравнении Сигурда и животного женского пола, поскольку любое реальное или подразумеваемое сравнение человека с самкой считалось нидом (*nið*, клевета) и делало субъекта стоящим вне закона⁸⁷. Однако несоответствия в сравнении, сочетающем свиноматку с жеребцом, очевидны. В свете связи Фрейра с лошадьёю и независимой истории о Вёльси, может ли это быть еще одной культовой отсылкой? В юмористической истории под названием «Прядь о Хрейдаре» (*Hreiðárs þáttr*), найденной в рукописи «Гнилая кожа» (*Morkinskinna* ch. 24) юноша по имени Хрейдар Глупец (*Hreiðar heimski*), которого Харальд Суровый хотел казнить, подарил Харальдру маленькую свинью из позолоченного серебра. Конунг взглянул на дар и передал его своим людям, а затем высоко оценил мастерство Хрейдара и дал ему примирение. Но когда подарок вернулся к Харальду, и он его осмотрел ещё раз, конунг понял, что у позолоченного животного есть соски — это был не кабан, а свинья, и он разозлился, отшвырнул фигурку и вновь приказал убить юношу. Хрейдар сбежал с подарком ко двору конунга Магнуса, который также высоко оценил его мастерство, добавив, что «Харальд мстил за гораздо меньшие насмешки, чем эта». Энтони Фолкс (*Anthony Faulkes*) был озадачен характером оскорбления⁸⁸. Хильда Дэвидсон (*Hilda Davidson*), однако, считает, что оскорбление заключалось в том, что отец Харальда, Сигурд Свинья, *Sigurð sýr*, не был воинственным конунгом, служившим Одину, а вместо этого поклонялся Фрейе, включив её имя в свое прозвище⁸⁹. О том же отрывке Бритт-Мари Нэстром (*Britt-Mari Nässtrom*) пишет⁹⁰:

«Самая привлекательная этимология, однако, происходит из ИЕ *s(w)er- означает «защищать» и «оберегать». Со временем слово утратило свое первоначальное значение и стало интерпретироваться как омонимичное *sow* (свиноматка) (*Schrodt* 1979: 114-119). Однако двойное значение этого слова использовалось в *Ólavs saga helga*, где приёмный отец Олава, Сигурд, носит прозвище *Sýr* (*Snorri/Adalbjarnarson* 1951: 7). Трудно поверить, что человек в его положении согласился бы на то, чтобы подданные называли его «свиноматкой». Но в *Hreiðars þáttr* мы находим другое значение имени, когда враги делают из него каламбур и дарят ему⁹¹ амулет в виде серебряной свиньи, что вызвало у него гнев. (*Hreiðars þáttr/Sigfússon* 1945: 254). Таким образом, игра слов является доказательством того, что *sýr* несло два смысла, тем более что мы находим имя в кеннингах, таких как *sarlaxa Sýr* и *Folk Sýr*, в положительном значении (*Egilsson* 1966: 557). Аналогично, когда богиню, такую как Фрейя, зовут *Sýr*, предпочтительнее выбрать архаическую альтернативу. Однако между кабаном и парой

⁸⁶ *Morkinskinna*, ch. 19, translated by Theodore M. Andersson and Kari Ellen Gade, (2000), p. 162.

⁸⁷ Andersson and Gade, *ibid*, p. 433.

⁸⁸ Anthony Faulkes, *Two Icelandic Stories: Hreiðars Þáttr and Orms Þáttr*, 1967, p. 92.

⁸⁹ *Roles of the Northern Goddess*, p. 87-88.

⁹⁰ “Freyja—A Goddess with Many Names” in *The Concept of the Goddess*, edited by Sandra Billington and Miranda Green.

⁹¹ От переводчика: как легко заметить, цитируемая автор тут допустила неточность, такой подарок сделали сыну Сигурда.

близнецов Фрейром и Фрейей существует сходство, связанное с их воинственными характерами, а не с аспектом плодородия (*Davidson 1964: 98-9*)».

Железный шлем с вепрем из Ноттингемшира, VII в. н. э., англосаксонское мужское погребение.

Связь с культом ванов, по-видимому, подтверждается ярким описанием Сигурда как конунга бондов в «Круге Земном» и гнева его сына, Харальда, когда ему напоминают прозвище его отца в «Гнилой коже».

Уже в 98 г. н.э. мы находим свидетельства религиозного значения кабана среди северогерманских племен. В «Германии» (*Germania 45*) Тацит говорит об эстиях, «обычай и облик которых такие же, как у свебов, а язык — ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов⁹²».

Тацит добавляет, что «Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью»⁹³. Мы находим соответствующие эмблемы, украшающие боевое снаряжение в средневековой Северной Европе, и эти археологические находки подкрепляются современными им литературными упоминаниями. В «Саге о Хрольке Жердинке» (*Hrolf Kraki's Saga*) *Hildsvín* (Боевая свинья) и *Hildigöltr* (Боевой кабан) являются именами шлемов. В XII веке в Англии поэт Кюневульф говорит о *eoforcumble* шлемах, т.е. «с кабаном на гребне» (*Elene 76, 260*). Точно также автор «Беовульфа» называет «фигуры кабана», когда «ярко на шлемах на островерхих вепри-хранители блистали золотом⁹⁴» (*eoforlic scionon ofer hleorberan gehroden golde, 303-305*), «в дом внести повелел он вепреглавый стяг, шлем высокий» (*het ða in beran eafor-heafod-segn, headosteapne helm, 2152-2155*), «разбить на врагьем шеломе вепря (букв. свинью на шлеме)» (*swin ofer helme, 1286*), и упоминает великолепный шлем с его «свинными пластинками» (*swinlicum, 1453*). В «Беовульфе» часть доспехов, помещенных на погребальный костер Хнафа Скильдинга, представляет собой *swyn*

⁹² Здесь и далее приводится перевод Тацита на русский язык А.С. Бобовичем. Обоснованность причисления эстиев к германцам остаётся на совести автора.

⁹³ J.V. Rives, *Tacitus Germania*, p. 96.

⁹⁴ Здесь и далее перевод А.Тихомирова (совпадающий с построчником по смыслу, но не буквально).

ealgylden, eofer irenheard, «битв одежды железотканые с кабаном позолоченным на груди вождя».

В средневековой Германии и Скандинавии животных традиционно убивали, когда начиналась зима, и это, возможно, сохранило элементы языческого жертвоприношения. Во всей Северной Европе голова кабана была праздничным блюдом⁹⁵. В Оксфорде на Рождество выставляли голову хряка, которую проносили торжественно и с пением. В Тюрингии считают, что тот, кто воздержится от еды до ужина в канун Йоля, увидит золотого кабана. *Lauterbach weisthum* (городское постановление Лаутербаха) 1589 года требует, чтобы на всех подворьях имелся *goldferch* (золотой хряк), холощённый ещё поросёнком, для праздника в честь Дня Трёх Королей (Трёх Волхвов) во время Йоля. Цена на свинью была установлена в размере семи шиллингов, что соответствует цене на свиней, специально откармливаемых в соответствии с аналогичным постановлением и закалываемых в Винкбухе (*Vinkbuch*) на землях алеманнов в начале сбора урожая, мясо их делили среди людей общины⁹⁶. Во франкских и алеманнских документах слово *ferch*, в латинских глоссах *porcellus*, означает «маленький поросёнок». На древнегерманском языке оно относится к священной жертве, соответствующей латинскому *hostia, victima, halocaustum*. Эддическая поэма «Песнь о Хельги сыне Хьёрварда» (*Helgakviða Hjörvardsson*) рассказывает похожую историю в прозе после стиха 30. Однажды вечером Йоля был приведён жертвенный кабан (*sónargöltr*), и собравшиеся там люди возлагали на него руки, принося обеты над кубком (*bragarfulli*). «Сага о Хервёр и Хейдрике» (*Hervarar saga og Heiðreks 10*), сохранила то, что может быть языческими корнями этих традиций:

«Конунг Хейдрек приносил жертвы Фрейру. Кабана, что оказывался самым большим, он должен был отдавать Фрейру. Они считали его столь священным, что на его щетине должны были клясться во всех крупных делах, и этого кабана они должны были приносить как искупительную жертву (*sónarblót*). Вечером на йоль жертвенного кабана должны были приводить в палату к конунгу. Там люди клали руки ему на щетину и приносили клятвы⁹⁷».

В «Перечне имён» (*Nafnapular*), среди имен свиней, мы находим *val-glitnir* (сияющий убийца) и *val-bassi* (убийца-медведь), а также *vigrir* (воинственный) и *vaningi* (сын ванов)⁹⁸. Название *vaningi*, использованное для самого Фрейра в «Речах Скирнира» (*Skirnismál 37*), не даёт избежать мыслей о том, что сам Фрейр представлялся в виде кабана, и что мясо кабана, употребляемое на празднике жертвоприношения, мыслилось как часть бога⁹⁹. Свиньи не только плодovitы и имеют много детёнышей, но и являются жестокими бойцами, чьи клыки подобны оружию. Кабан является падальщиком и будет есть трупы; неудивительно, что он приобрел символическую связь со смертью¹⁰⁰. Он также является роющим животным, что символически связывает свиней с плугом, делая их подходящим символом ванов, которые однажды победили более могущественных асов в войне (*Völuspá 23–24*). Очевидно, что существует тесная связь между богами ванов, смертью, войной, плодородием и символом кабана. В ближневосточных и европейских мифах кабан — это зверь, который убивает спутника богини плодородия: египетского Осириса, мужа богини Исиды, убивает Сет, связанный с кабанами; вавилонский Таммуз был убит диким кабаном, и его жена Иштар плакала сорок дней; Адонис, возлюбленный Афродиты, убит кабаном во время охоты;

⁹⁵ Grimm, *ibid*, p. 215, 1355.

⁹⁶ Grimm, *ibid*, p. 53

⁹⁷ Перевод Т.Ермолаева, «Сага о конунге Хедреке Мудром», гл.10.

⁹⁸ Все переводы в оригинале статьи взяты из Anthony Faulkes, *Edda*, p. 164.

⁹⁹ Turville-Petre, *Myth and Religion of the North*, p. 255

¹⁰⁰ Marija Gimbutas, *Language of the Goddess*, p. 195.

ирландский Диармуйд, возлюбленный Грайне, дочери короля Тары, умирает от раны, нанесённой кабаном, которого разбудили гончие.

Золотые кораблики из клада из Норса (Nors, Ютландия)

Другим даром Фрейру от dwarves, который он, вероятно, тоже разделял с Фрейей, был корабль Скидбладнир (*Skidbladnir*). Он был назван «лучшим из кораблей» в «Речах Гримнира» (*Grimnismál* 44), Снорри сообщает нам, что Скидбладнир достаточно велик, чтобы вместить всех богов с их оружием, но что его можно сложить, как платок, и хранить в кармане, когда он не используется. Ему, «куда бы ни лежал его путь, всегда дует попутный ветер, лишь поднимут на нем парус¹⁰¹» (*Skáldskaparmál* 35). Он был дан ему сынами Ивальди, группой мастеров, которых «Язык поэзии» описывает как dwarves или тёмных альвов. В «Вороновом заклинании Одина» (*Hrafnagaldur Óðins* б) сам Ивальди обозначен как альв, что снова напрямую связывает альвов с Фрейром. Корабли играли центральную роль в доисторической германской религии, появляясь в большом числе среди петроглифов Скандинавского бронзового века и среди других живописных изображений этой эпохи, таких как гробница из Чивика (*Kivik*)¹⁰². Около ста крошечных кораблей из бронзы и золотой фольги неопределённой датировки, некоторые из которых украшены концентрическими кругами, интерпретируемыми как соляные символы, были обнаружены в глиняном сосуде в Норсе (*Nors*) в Северной Ютландии. Представляется весьма вероятным ритуальное предназначение этих предметов¹⁰³. Помимо погребений на кораблях в Гокстаде и Осеберге, сотни корабельных погребений были обнаружены в Норвегии и Швеции¹⁰⁴. Корабль можно рассматривать как символ смерти и плодородия. Якоб Гримм впервые обратил внимание на древнегерманский обычай, который, похоже, связан с именно этим¹⁰⁵.

¹⁰¹ Отрывок приводится в русском переводе О.А. Смирницкой.

¹⁰² Simek, *Dictionary of Northern Mythology*, s.v. ship.

¹⁰³ Martin L. West, *Indo-European Poetry and Myth* (2007) p. 207.

¹⁰⁴ E.O.G. Turville-Petre, *ibid*, p. 173

¹⁰⁵ *Deutsche Mythologie*, ch. 13, p. 257-262

Наскальный рисунок из Танума (Tanum, Швеция)

Около 1133 года в лесу около Индена (*Inden*, в Рипуарии (*Ripuarria*)) корабль, установленный на колеса, был построен и провезён по всей стране *pauper rusticus* («деревенским народом»), который присоединился к процессии. Мы находим подробный отчет об этом шествии в книге *Chronicon Abbatiae S. Trudonis*, Book XI¹⁰⁶ Родульфа (*Rodulf*). Во главе с гильдией ткачей корабль отправился сначала в Аахен (*Aachen*, земля Северный Рейн-Вестфалия в Германии), затем в Маэстрихт (*Maestricht*), где были добавлены мачта и парус, затем вверх по реке к Тонгресу (*Tongres*), Лоосу (*Looz*) и т. д., корабль сопровождали толпы людей, собирающих отовсюду. Это напоминает процессию божества плодородия, провозимого в повозке по всей стране, столь часто описываемую в древних германских источниках. То, что шествие возглавляли ткачи, наводит на мысль о женском культе¹⁰⁷. Везде, где корабль останавливался, звучали радостные крики, песни триумфа, народ танцевал вокруг него до глубокой ночи. Приближение корабельной процессии было объявлено городам, которые открывали свои ворота, и толпы людей собирались, чтобы поприветствовать судно. Всё в рассказе изложено весьма однозвучно; но повествование обретает свое полное значение как раз из-за того, что факт так сильно раздражал духовенство, которое пыталось запретить происходящее. Корабль описывается как *malignorum spirituum simulacrum* («носитель злокозненных духов») и *diaboli ludibrium* (злое издевательство). Сказано, что он связан с *infausto omine* (зловещими предзнаменованиями) и что *maligni spiritus* (злокозненные духи) путешествуют внутри него. Автор полагает, что корабль вполне можно назвать судном «Нептуна или Марса, Вакха или Венеры», явно ассоциируя его с языческими богами, и поэтому он должен быть каким-то образом сожжён или уничтожен. Принято считать, что такие культовые корабли строились на суше в течение празднования. Важно отметить, что светские власти, а не духовенство, санкционировали процессию и защищали её. Обеспечивали встречу приближающегося корабля именно власти нескольких городков на его пути.

Следы подобных корабельных процессий в начале весны обнаруживаются в других частях

¹⁰⁶ Приводится Гриммом на латыни в *Teutonic Mythology*, Stalleybrass tr., pp. 260-262.

¹⁰⁷ William Reaves, "Odin's Wife: The Earth Mother in Germanic Mythology" www.germanicmythology.com/original/earthmother.html

Германии, особенно в Швабии, которая стала местом обитания свебов, упомянутых Тацитом. В протоколе городского совета Ульма (*Ulm*) в канун дня Святого Николая¹⁰⁸ 1530 года содержится запрет: «Не должно быть ни днём, ни ночью выходок или переодевания его, или надевания какого-либо карнавального костюма, более того, он должен быть удержан от шествия с плугом и с кораблём под угрозой штрафа в 1 гульден»¹⁰⁹. Несомненно, среди простых людей этого региона сохранялись некоторые воспоминания о древнем языческом культе, которые ещё не были полностью искоренены. Не совсем невозможно, что Скидбладнир продолжал традицию кораблей на наскальных рисунках¹¹⁰. Родульф не говорит, что стало, в конце с *terrea navis* («земным кораблём»), но рассказывает, как после того, как ему отказали в приёме, вспыхнули драки и ссоры, которые могли быть завершены только открытым столкновением. Это доказывает горячую вовлечённость его современников, раздувавшую пламя вражды участников с обеих сторон, как светской, так и духовной. Сама церемония имеет индоевропейские аналоги, предполагающие древнее происхождение. Греки посвящали корабль Афине. Во время праздника Панафиней¹¹¹ её священное облачение доставлялось на корабле в Акрополь, прикреплённое к мачте как парус. Этот корабль был построен в Керамике (район Афин) и перемещался по суше благодаря невидимому механизму, сначала вокруг храма Деметры, а затем мимо Пеласгиона к Пифиану (названному по могиле героя) и, наконец, к цитадели, сопровождаемый людьми в торжественной процессии¹¹².

Самые ранние свидетельства о богине Фрейе неясны, тем более что многие учёные отождествляют её с Фригг. Первые четкие упоминания Фрейи под этим именем — это стихи Старшей Эдды, некоторые из которых датируются 1000 годом нашей эры, и текст Эдды Снорри, датированной первой половиной XIII века. Учёные долго спорили, когда впервые появился культ Фрейи. Но в этой связи часто упускается из виду важное сообщение Тацита в главе 9 «Германии». Несколько римских источников свидетельствуют о почитании Меркурия как главного бога Северной Европы. Когда римляне вступали в контакт с иноплеменниками, они обычно давали понятиям, с которыми сталкивались, свои собственные имена. Таким образом, римские наблюдатели стремились приравнять германских богов к своим собственным. Это часто делалось по самым поверхностным признакам. Шляпа и посох Меркурия были так поразительно похожи на капюшон и копьё Одина, что эти боги считались идентичными¹¹³. Среди германцев происходил и обратный процесс, что позволило идентифицировать по крайней мере одного из германских богов, называемого римским именем. В англо-саксонской транслитерации названий римских дней недели в третьем или четвертом столетии *dies Mercurius* (день Меркурия) приходился на *Wednesday* (день Вотана-Одина, среду). Таким образом, мы можем быть в достаточной степени уверены, что под Меркурием подразумевался Один¹¹⁴. В других божествах учёные не столь уверены. В Тацитовой «Германии», 9, Геркулес должен представлять Тора, но в германской интерпретации будних дней Тора приравнивают к римскому правителю богов, Юпитеру (лат. *Jove*). Это не означает, что Тор был правителем богов, но только то, что, как и Юпитер, он властвовал над ударами молнии. Точно также Марс, возможно, представлял Тюра, но западные

¹⁰⁸ От переводчика: видимо, имеется день св. Николая, который отмечают 22 мая (9 мая по юлианскому календарю).

¹⁰⁹ Carl Jäger, *Schwäb. Städtewesen des MA (Middle Ages)*, 1, p. 525, cited by Grimm, *ibid*, p. 263.

¹¹⁰ Simek, *Dictionary of Northern Mythology*, s.v. Skidbladnir.

¹¹¹ От переводчика: Панафиней, т.е. праздник всех афинян, проводился в июле-августе (в первый месяц аттического календаря гекатомбеон), сопровождался жертвоприношениями, шествиями, театральными представлениями и состязаниями.

¹¹² Philostr. *De vitis sophist*. Book 2, ch. 1, ed. Paris, 1608 p. 549, cited by Grimm, *ibid*, p. 265.

¹¹³ Simek, *Dictionary of Northern Mythology*, p. 174.

¹¹⁴ *Early Germanic Literature and Culture*, Volume 1, Edited by Brian Murdoch and Malcolm Read, p. 82.

и южные германские названия будних дней порождают некоторые этимологические проблемы, если выводить их непосредственно от имени бога¹¹⁵, поэтому мы не можем быть в этом уверены. После упоминания о поклонении Меркурию, Геркулесу и Марсу как общегерманским богам, Тацит называет первую германскую богиню. Он говорит, что некоторые из племён, известных под общим названием свебы¹¹⁶, также поклоняются Исиде. Её культовым символом является корабль. Из-за этого автор заявляет о своей уверенности в том, что её культ иностранного происхождения. Тацит сообщает:

«Из богов они больше всего чтят Меркурия и считают должным приносить ему по известным дням в жертву также людей. Геркулеса и Марса они умилостивляют заклятиями обрекаемых им в жертву животных. Часть свебов совершает жертвоприношения и Исиде; в чем причина и каково происхождение этого чужестранного священнодействия, я не мог в достаточной мере выяснить, но, поскольку их святыня изображена в виде либурны, этот культ, надо полагать, завезён к ним извне».

Привело Тацита к мысли, что культ был импортирован, не имя Исиды. В равной степени иностранные имена Меркурия, Геркулеса и Марса не представляли такой проблемы. То, что выглядело чуждым для Тацита — это корабль, который, возможно, напомнил ему римский *navigium Isidis*, праздник, отмечаемый пятого марта, когда греки и римляне проводили торжественное шествие, предоставляя корабль Исиде, чтобы отметить весной открытие рек для судоходства¹¹⁷. Несмотря на его уверенность в том, что этот культ был иностранного происхождения, современные ученые, знающие культ Исиды и его историческое распространения по древнему миру, с этим не согласны. Дж. Б. Ривес пишет:

«Поскольку распространение культа было явно обусловлено влиянием римлян, маловероятно, что германское племя за пределами империи приняло бы его. Поэтому большинство учёных сходятся во мнении, что Тацит (или, более вероятно, его источник) идентифицировал местную богиню как Исиду из-за сходных ритуалов с участием кораблей. Следует отметить, что это скорее случай ошибочной идентификации, чем *interpretatio Romana*, поскольку, похоже, что Тацит думал, что это была греко-египетская богиня Исиды, чей культ приняли свебы¹¹⁸».

Более ста лет назад Якоб Гримм полагал, что «это, должно быть, был похожий культ, а не тот же самый, и, возможно, он давно устоялся среди германцев¹¹⁹». В некоторых моментах культ Исиды похож на культ Фрейи — достаточно для постороннего наблюдателя, чтобы сделать правдоподобное сравнение. Даже современный ученый Урсула Дронке отмечает, что в рассказе Снорри о браке богини Фрейя обходит мир «подобно Исиде, разыскивающей своего покойного мужа»¹²⁰. В египетской мифологии Исиды более всего известна преданностью своему мужу Осирису. Она, в слезах, бродит по миру в поисках его. В этом Исиды больше всего

¹¹⁵ Murdoch and Read, *ibid*, p.82.

¹¹⁶ *Germania*, 38: «А теперь следует рассказать о свебах, которые не представляют собою однородного племени, как хатты или тенктеры, но, занимая большую часть Германии, и посейчас еще расчлениются на много отдельных народностей, носящих свои наименования, хотя все вместе они и именуются свебами».

¹¹⁷ Grimm, *Teutonic Mythology*, p. 258, Stalleybrass tr., Гримм, цитируя Апулея и христианского апологета Лактанция, двух писателей более поздних, чем Тацит, сообщает об обычае, что возвращает к гораздо более древней дате.

¹¹⁸ J. B. Rives, tr.

¹¹⁹ Grimm, *Teutonic Mythology*, p. 258.

¹²⁰ *Poetic Edda*, Vol. II, p. 45.

похожа на Фрейю, которая бродит, рыдая по многим землям в поисках Ода. Тацит сообщает нам, что эмблемой её культа является лёгкий военный корабль, символ, тесно связанный с братом Фрейи, Фрейром. В египетской мифологии Исида — богиня плодородия и материнства. Говорят, что она научила людей выращивать пшеницу, ячмень и лён, а также властвовала над хлебом, пивом и зелеными полями¹²¹. Хотя она совсем другого происхождения, она имеет много общего с ваническими божествами севера. Она была покровительницей ремёсел, обучала женщин искусству прядения и ткачества¹²². Она была дочерью бога Геба (Земля) и богини Нут (Небо). Будучи сестрой и женой Осириса, судьи умерших, она стала матерью Хора, бога дня, и, так же как Фрейя впервые научила асов сейду (*seiðr*), древние рассказы описывают Исиду как владеющую великим магическим искусством. После того как Осирис, первый бог-царь Египта, был убит своим братом Сетом, который разрубил тело Осириса на куски и разбросал их по всему Египту, Исида собрала части (все, кроме фаллоса, которые она не смогла найти) и волшебным образом оживила мужа. Она также волшебным образом зачала от него сына по имени Хор. Совет богов в конце концов решил, что Хор является законным правителем, и сместил Сета. Возникла новая парадигма, в которой Осирис управлял Подземным миром, а Хор — Египтом. Фараоны считались реинкарнациями Хора, так же как скандинавские конунги считались потомками Фрейра. Культ Исиды распространился из Александрии по всему эллинистическому миру после IV века до нашей эры. Греческий историк Геродот отождествил Исиду с Деметрой, греческой богиней земли, земледелия и плодородия. Культ Исиды был позже введен в Риме (86 г. до н.э.) и стал одной из самых популярных ветвей римской религии. Христиане позже отвергли культ из-за его открытой сексуальности. Таким образом, всё, что Тацит мог узнать о культе Фрейи, близко соответствовало бы его представлению о культе Исиды как на поверхностном, так и на глубоком уровне.

Алтарь Нехалении, II-III вв. н.э.

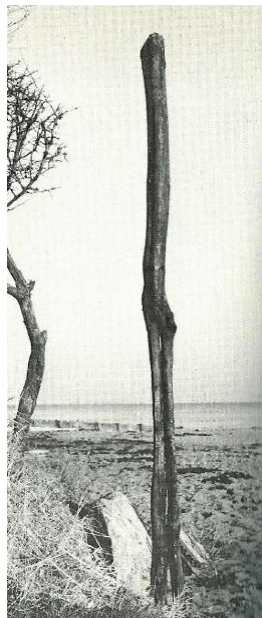
Другая фигура, которую мы должны рассмотреть в свете этого, — загадочная богиня Нехаления, в чью честь по обету поставлено 160 алтарей во II и III веках нашей эры. Двадцать восемь из них

¹²¹ Davidson, *Roles of the Northern Goddess*, p. 53, citing Witt, 1971, p. 16-17.

¹²² Davidson, *Roles of the Northern Goddess*, p. 98, citing Witt, 1971, p. 41.

найлены на рейнском острове Вальхерен (*Walcheren*) в Нидерландах. Аналогичное число было обнаружено в 1971-72 годах в Колинсплаате (*Colijnsplaat*) на острове Норд-Бевеланд (*Noord-Beveland*). Еще два были найдены в районе Кёльн-Дойц (*Cologne-Deutz*). Чаще всего её изображают стоящей на носу корабля или с веслом, с корзиной с фруктами и в сопровождении собаки. Её связь с кораблем дополнительно подтверждается надписями, некоторые из которых сделаны купцами и, следовательно, могут относиться к богине торговли¹²³. Мы больше ничего о ней не знаем. Этимология имени *Nehalennia* неясна. Некоторые учёные стремились вывести её имя от латинского *necare*, «убивать», а также англосаксонского или древневерхненемецкого *helan*, «скрывать», таким образом идентифицируя её как богиню смерти, подобную Фрейя, которая выбирает половину убитых в бою. Её спутник, собака, повсеместно интерпретируемая как символ смерти, поддерживает эту точку зрения. Некоторые связывают слово *Nehalennia* с *Nerthus*, в которой многие учёные признают божество ванов. Таким образом, мы не можем исключить предположение, что имя Нехаленнии является более ранним обозначением богини Фрейи, выдающейся богини плодородия, которая связана с морем через своего отца Ньёрда и собственный эпитет Мардёлль (*Mardöll* или *Marþöll*, первый компонент имени означает «море») так же, как и с загробной жизнью.

Бальдур, Фолла и Фрия из «Второго Мерзебургского заклинания», а также боги Вотан и Донар, названные в «Саксонской клятве при крещении», находят свои аналоги в более позднем древнескандинавском пантеоне, демонстрируя, что персонализированный германский пантеон был разработан и повсеместно принят во всех германских землях к девятому или десятому веку¹²⁴. Несмотря на трудности, присущие четкой идентификации культа Фрейра и Фрейи в доэдических источниках, мы находим достаточно доказательств его существования. Независимо от своего точного происхождения, культ ванов был ко времени христианского обращения могущественным и хорошо устоявшимся.

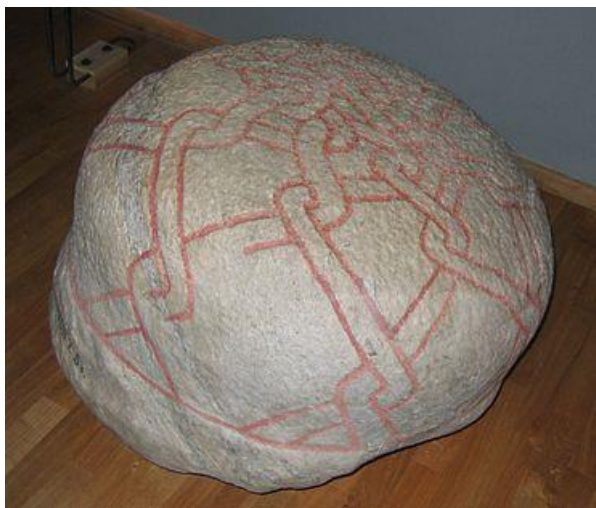
Изображение богини из Форлев Нимёлле (Forlev Nymølle), Ютландия, Железный век

¹²³ Rudulf Simek, *Dictionary of Northern Mythology*, s.v. Nehalennia.

¹²⁴ Murdoch and Read, *ibid*, p. 83.

Священные камни Скандинавии.*(Sacred White Stones: Echoes of an Ancient Scandinavian Fertility Cult¹)**Пересказ английского оригинала Н. Тончий (Tradis).*

Могильные шары (шведск. *gravklot*) или каменные шары (*stenklot*) — это округлые или приплюснутые каменные фигуры, датируемые 400-500 гг. нашей эры. Ставились они над или в погребениях поселений эпохи Переселения народов в Средней Швеции (провинция Нерке (*Närke*) у озера Меларен) и на Готланде, также изредка они встречаются в Западной Норвегии. Зачастую поверхность их богато украшена. Размещали их как на вершинах курганов, так и в самих могилах.

Камень-gravklot, хранящийся в Историческом музее в Стокгольме.

Интересная легенда, свидетельствующая о непрерывности почитания местных святынь, известна в Сёдерманланде (*Södermanland*, Швеция): когда в край пришло христианство, местные жители использовали пару быков, чтобы оттащить могильный шар с вершины самого высокого кургана в деревне до места, на котором в XII в. была построена церковь в приходе Иттерселё (*Ytterselö*). Там монах почитал над камнем отрывок из Писания и, таким образом, «изгнал из него язычество». Камень некоторое время использовался как крестильная купель. Камень из Иттерселё выдолблен сверху (видимо для купели) и украшен орнаментом в стиле Урнес². Этот стиль связан со временем раннего христианства в стране, т.е. шар превратился из древней языческой реликвии в инструмент христианской литургии вскоре после смены веры в конце XI или начале XII века. Его языческое происхождение не стало препятствием для первых шведских христиан, которые, вероятно, были вполне прагматичны в своем подходе к высшим силам, как старым, так и новым. В Норвегии немногочисленные могильные шары тоже были найдены на средневековых церковных объектах, что можно было бы счесть свидетельством того, что церкви, о которых идет речь, были созданы на языческих священных местах.

¹ Основной материал найден по ссылке <https://www.brutenorse.com/blog/2018/3/5/sacred-white-stones-objects-of-an-ancient-scandinavian-fertility-cult>, использована шведская Википедия. автор текста не указан.

² Стиль Урнес относится к последней фазе развития скандинавской звериной орнаментики. Зародился он в IX и полностью исчез к 1200 г.

Так называемый Курган Инглингов (*Inglinge hög*) с камнем-*gravklot*. Общий вид. Лен Кроноберг (*Kronoberg*), Смоланд, к западу от г. Ингельстада (*Ingelstad*)

Слева — камень с вершины Кургана Инглингов. Справа — его отреставрированная копия.

Возможна также связь могильных камней с практикой захоронения блоков, кусков или небольших шариков белого кварца в могилах в эпоху Переселения, также эта практика продолжалась в эпоху викингов. В целом, кварц и кварцит, похоже, имели особое ритуальное или апотропеическое (защитное) значение в дохристианской Северной Европе. Их можно использовать при высечении огня (кварцитовые огнива находили в Северо-Западной Европе), и они — термолюминесцентны: потерев осколок об осколок в темноте, можно вызвать слабое свечение.

Вторую группу древних культовых камней составляют так называемые священные белые камни или *hellige hvite steiner*. Это полуобработанные каменные фигуры, датируемые серединой-концом Железного века (300-600 гг., т.е. эпохой Переселения народов), найдены они в некоторых районах Норвегии, причём скульптуры имеют выраженную фаллическую

форму. Как считается, они были объектами культа в дохристианское время. Всего их найдено не более сотни, размеры чаще варьируются от 20 до 50 см, хотя есть и порядка метра в высоту. Низкие похожи на навершия и близки к уже упоминавшимся в первой части могильным шарам-*gravklot*. Есть даже предположение, что белые камни Норвегии как-то связаны с могильными шарами Средней Швеции, Готланда и Западной Норвегии. Также проводят аналогии с грибообразной формой знаменитых резных камней Готланда, которую одни рассматривают как фаллическую, другие как форму врат.

Священный белый камень. Музей Университета в Бергене (Universitetsmuseet i Bergen)

Вытесаны священные белые камни из мрамора, гранита, известняка или кварцита, причём отличаются светлым оттенком материала. Как известно, белый цвет имеет положительные ассоциации в скандинавской мифологии. Можно припомнить слова из «Третьей песни о Гудрун»:

В том я поклясться
тебе готов
клятвой на белом
священном камне (*hvíta helga steini*):
с сыном Тьодмара
я не свершала
дел, недостойных
мужчины и женщины³!

Другое возможное упоминание священного белого(?) камня есть во «Второй песне о Хельги»:

Пускай тебя
покарают те клятвы,
которые дал ты
когда-то Хельги,
клялся ты светлой
влагой Лейфтра
и камнем Унн
в холодной росе (*úrsvolum Unnarsteini*)!

³ Здесь и далее использован перевод А. И. Корсуна.

Священный белый камень из Дённы (Дёппа, Норвегия).

Имя Унн (*Unnr*) означает «волну», так зовут одну из девяти дочерей Эгира и Ран. Также это одно из прозвищ Одина, связанное либо с его властью над бурями, либо производимое от глагола *unna* — «любить, доверять». Разумеется, время создания эдических песен датируют примерно IX-XI вв., но ведь и Атилла-Атли из песни о Гудрун тоже герой эпохи Переселения (к которой относят камни).

И, наконец, в «Книге о занятии земли», ч.3, гл.71 есть сообщение:

«А его сын Эйвинд занял Долину Плоского Острова до Камней Сражения (*Gunnsteinar*), которые он почитал⁴». Правда, в Исландии не найдено никакого подобия рассматриваемых здесь священных белых камней, и, каковы были камни Эйвинда, неизвестно. Но сама народная практика почитания культовых камней зафиксирована практически во всём мире.

Священные белые камни обычно интерпретируются как объекты плодородия. Другие их аспекты, возможно, были связаны с могуществом и властью аристократии. Эти категории были глубоко переплетены в дохристианском скандинавском обществе, где военной этос пронизывал культуру, жреческие функции связаны были с социальным статусом, общинные священные места контролировались и финансировались правящими элитами, а вожди оценивались по способности приносить изобилие и процветание стране. В «Драпе о Хаконе Ярле» (*Hákonardrápa*) Халльфред Трудный Скальд сын Оттара (*Hallfreðr vandræðaskáld Óttarsson*) говорит:

Breiðleita gat brúði

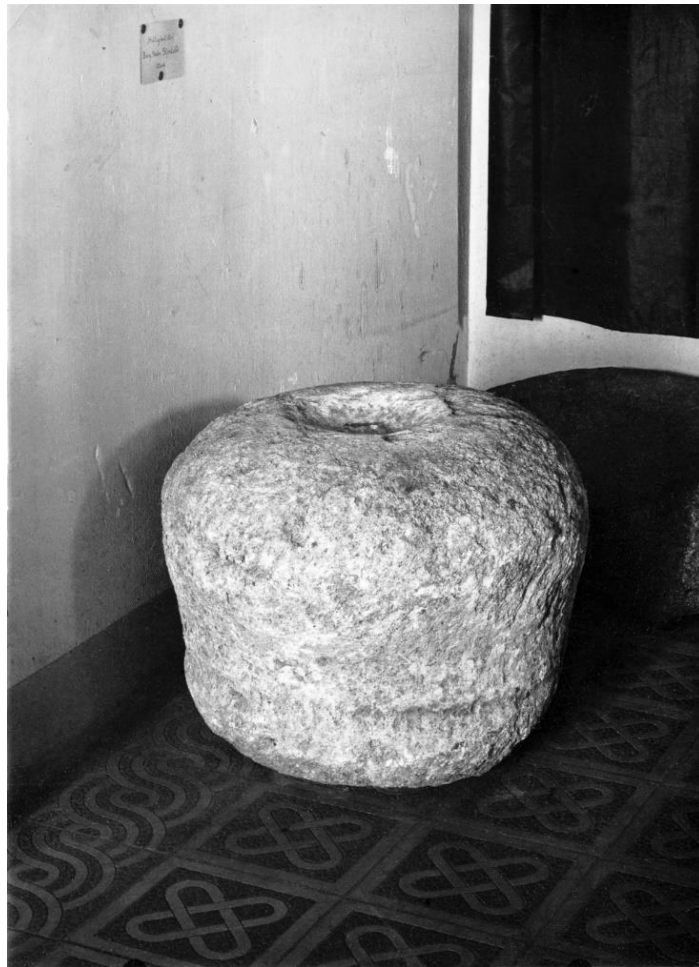
Báleygs at sér teygða

В переводе:

Широколищю смог невесту

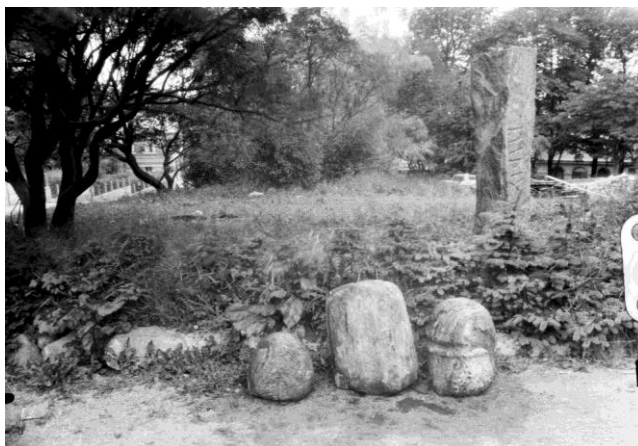
Балейга (т.е. Землю-Ёрд) соблазнить.

⁴ Перевод с исландского Т. Ермолаева.

Священный белый камень с углублением сверху из Стъордаля (Stjørdal, Норвегия)

«Соблазнить» здесь является метафорой для «завоевать владения». Это характерная и не единственная в драпе метафора, объединяющая эрос и войну. Тут стоит вспомнить характеристику ярла Хакона как крайне женолюбивого, что в итоге и стало причиной его смерти. Допускается, что в языческом контексте это воспринималось не только как черта отрицательная. Или что Снорри таким образом просто переосмыслил какую-то языческую ритуальную практику, которой предводитель был должен следовать в силу своего положения. Одновременно можно сослаться на те эротические мотивы скандинавской мифологии, где овладение диким пространством и силами хаоса воплощается в мифе как женитьба на великанше. Именно в таком контексте может восприниматься и помещение священного белого камня в могилу или на вершину кургана.

Священные белые камни из Ставангера (Stavanger, Норвегия).

Исследователь Мойре (*Myhre*) предполагает, что камни эти могли стоять в священных оградах, а те из камней, которые слишком коротки, помещали на вершины деревянных столбов. Один из таких коротких «головкообразных» камней, из Скатваля (*Skatval*) в Северном Трёнделаге (*Nord-Trøndelag*), был найден в яме вместе с необработанными кусками белого мрамора длиной около 30 см и остатками столба, на вершине которого, возможно, основной камень лежал. Сам камень тоже высечен из белого мрамора, имеет чашеобразное углубление в основании, сама же находка была расположена на гребне горы, считавшемся культовым местом.

Священный белый камень с чашеобразным углублением в основании: прямое и перевернутое положение. Скатваль (*Skatval*, Норвегия).

Иногда чашеобразные углубления размещались на вершине «фаллоса», иногда в основании камня есть удлиненное углубление, в котором некоторые видят изображение вульвы, что можно рассматривать в контексте священного брака, например. Также в этом контексте вспоминают «Прядь о вельси», где в обрядовой игре передают высушенный лошадиный фаллос со словами «Да возьмёт это Мёрнир». Мёрнир (*Mørnir*) — обозначение великанши, также этим словом именовали также Скади. И со Скади связан миф о браке с богом плодородия (и о выборе мужа по ногам, что можно при желании трактовать и несколько более широко).

И по сей день к священным белым камням Норвегии иногда приходят пары, которые хотят зачать, но трудно определить, является ли это современной интерпретацией или основано на сохранившихся народных традициях. Ритуалы наполнения и намазывания их чаш-углублений жиром или маслом, а также жертвоприношения монет и безделушек в них хорошо документированы в сельской Швеции еще в 1930-х годах. Можно предположить, что в древности священные белые камни почитались подобным же образом. Священник XVIII века Ханс Якоб Вилле (*Hans Jacob Wille*) даёт яркое описание такого почитания со смазыванием масла в приходе Сельорд (*Seljord*) в Телемарке (Норвегия), где местные фермеры держали «два камня умеренных размеров», которые «до недавнего времени» были почитаемы как божества. Камни в четверг вечером (самый благоприятный будний день для магии и колдовства в скандинавском фольклоре) мылись, смазывались маслом и мазями над огнем очага, и клались на высокое сиденье, т.е. на самое почётное место в доме. На ферме *Kvålseth* в Квитесеиде (*Kviteseid*) также имелись два камня под названием *Tussesteinene* («камни туссе», где *tuss* — это домашний или природный дух, домовый или тролль), которые, согласно рассказу, «имели форму заквашенных хлебов». Их укладывали на чистое сено на высоком сиденье дома, омывали пахтой (водой от сбитого масла) и кропили свежим пивом на Йольтайд, пока некий подвыпивший человек пуританских взглядов не разбил камни на куски и не выбросил их. По соседству в Квитесеиде в средневековой церкви хранился камень, которые когда-то помещали у

картофельных полей ради урожая, и он же излечивал больных. Но однажды, скатившись с комода в доме, камень убил ребёнка, после чего получил название «Камень слёз» — *Tåresteinen*.

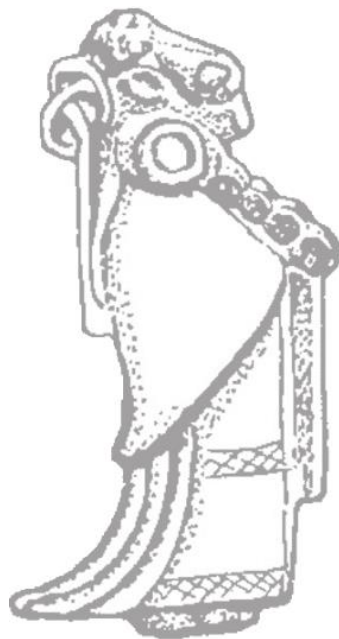

Камень из Улленсванга (Ullensvang, Норвегия).

Хотя чаще подобные камни связывают с Фрейром (или Фрейром и Герд, или Фрейром и Фрейей), замечено, что распространение священных белых камней и могильных шаров примерно соответствует распределению культовых географических названий, связанных с богом Ньёрдом, они главным образом сосредоточены вдоль норвежского западного побережья и центральных частей Швеции. Хотя в эддических текстах подчеркивается роль Ньёрда как морского бога, эта часть его могущества вряд ли была бы важна во внутренней Швеции, где нужнее сельскохозяйственное плодородие. К тому же у исландских книжников не было задачи делать полноценный анализ скандинавского язычества во времени и пространстве. Разумеется, вспомнив Ньёрда, мы должны вспомнить не только его супругу Мёрнир-Скади, но и древнюю Нертус (**Nerbus*) германцев, сестру, жену или прообраз Ньёрда (выдвигаются также гипотезы об андрогинности древнего божества). Ведь по времени Нертус, упомянутая у Тацита в I в. н.э., даже более близка к эпохе Переселения, чем века викингов. При этом почитание священных камней естественным образом продолжилось и при викингах, и даже, как видим, христианское время. Возможно, разумеется, что смысл культа при переходе от эпохи к эпохе мог в некоторых пределах варьироваться.

Священный белый камень из Лиллибён (Lillebøen, Норвегия).

Анализ отдельных элементов старшеэддической песни «Речи Многомудрого»: Менглёд как гипотетическая «богиня зари».

Юрий Слеповронский.

«Речи Многомудрого» или «Речи Фьэльсвинна» (или «Речи Фьэльсвида», если опираться на форму имени в самом тексте) — мифологическая песнь, известная по ряду манускриптов, самый ранний из которых датируется XVII в. В примечаниях к переводу, выполненному Свириденко, указывается, что текст самой песни датируется концом X в. Норвежская и шведская статьи на Википедии называют временем её возникновения 1200е годы.

Песнь сохранилась в манускриптах **Rask 21 a, Lbs 1689 4to, Lbs 636 4to, AM 738 4to, Lbs 214 4to, Lbs 1588 4to, SÁM 66, SÁM 72**. В сети Интернет на сайте исландских манускриптов *handrit.is* доступны, к сожалению, только изображения страниц из следующих источников:

AM 738 4to — 1680 года,
Lbs 636 4to — 1750-60 года,
SÁM 66 — 1765-66 года,
Lbs 1689 4to — 1770 - 1820 года.

Сюжет песни заключается в том, что некий Свипдаг, матерью которого является мёртвая колдунья Гроа, приходит к воротам жилища, которое охраняет некто Фьэльсвид. Свипдаг ищет деву, которая суждена ему — Менглёд. Жилище оказывается принадлежащим ей, и далее между Свипдагом и Фьэльсвидом происходит диалог, в конце которого Свипдаг раскрывает своё имя, перед ним открываются ворота жилища, и Менглёд дарит ему поцелуй.

Фрейя и Свипдаг. Йон Бауэр (John Bauer), 1911 год.

По поводу смысла песни у исследователей нет единого мнения. Якоб Гримм отождествлял Менглэд с Фрейей на основании этимологии имени: *Menglöð* — «радующаяся ожерелью», что подразумевает Ожерелье Брисингов. Виктор Рюдберг считал Свиддага мужем Фрейи — Одом, Менглэд — Фрейей, а Фьельсвида — Одином. Хьялмар Фальк усмотрел в песни отголосок истории о поисках Грааля, а Ян де Фрис пришёл к выводу, что автор «Речей Многомудрого» заимствовал для создания песни сюжет о заколдованной принцессе или «спящей красавице».

Отто Хёфлер и Ф. Р. Шрёдер усмотрели в песни ритуально-мифологический элемент — пробуждение ото сна земли под лучами солнца весной. Оулавюр Свейнссон предположил, что песнь основана на ирландской легенде об Арте мак Куинне. Лотте Мотц — что песнь отражает инициацию молодого героя в культ богини-матери, отождествив Менглэд с... матерью Свиддага — волшебницей Гроа.

Начнём со Свиддага и его родичей.

Имя его — *Svipdagr*, вроде бы, не представляет никакой проблемы. Если отталкиваться от этимологии, предложенной Орчардом, то оно означает «быстро проходящий день» или «внезапный день» (от *svipa* — «мелькать, быстро двигаться»).

Впрочем, не исключён вариант, что первая часть его имени образована от *svipr* — «взмах», «мимолётное явление», и, как ни странно — «облик, внешность», а также «подобие, сходство» (подробнее — в словаре Клисби - Вигфуссона¹). Тогда Свиддаг — это, возможно, «похожий на день».

Гроа с сыном. В. Коллингвуд (W.G. Collingwood).

Матерью Свиддага названа некая Гроа, колдунья, которую в приквеле песни — «Заклинаниях Гроа» — Свиддаг просит спеть защитные заклинания, перед тем, как он отправится на поиски Менглэд. Её имя — *Gróa* — по всей видимости, произведено от глагола *gróa* — «расти» (о травах, деревьях или же — о земле, поросшей травами/лесом) или «быть исцелённым» (о ранах), и, соответственно, означает «растущая/поросшая» или же «исцелённая».

Авторы исландско-английского словаря Р. Клисби и Г. Вигфуссон, что интересно, ошибаются, называя Гроа матерью Орвандиля, и дают такое примечание: «*Norse gro = a toad, paddock*²».

¹ An Icelandic-English dictionary / initiated by Richard Cleasby, subsequently revised, enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson, M.A. Oxford : Clarendon Press, first edition 1874, second edition 1957. ISBN: 9910360675.

² От редакции: т.е. «Норвежское *gro* = жаба, загон». Однако едва ли здесь есть связь с древнескандинавским именем.

По всей видимости, Гроа — это та же самая колдунья, о которой упоминает Снорри, пересказывая миф о битве Тора и Хрунгнира. И тогда её муж, и, соответственно, отец Свипдага — некто Аурвандиль (или Орвандиль). И о нём тоже стоит сказать несколько слов.

Его имя — *Aurvandil* — реконструируют как протогерм. *auzi-wandilaz — «сияющий странник» или же «рассветный странник», если возводить его к протогерм. *auzi- «рассвет». Согласно «Младшей Эдде», Тор переносил его в заплечной корзине через Эливагар, но Аурвандиль отморозил палец, высунутый из корзины. Тогда Тор отломил этот палец и закинул на небо, сделав из него звезду «Палец Аурвандиля» (*Aurvandilstá*). О какой именно звезде идёт речь — не известно. Но весьма вероятно, что речь идёт не о звезде, а о планете Венера, появление которой предшествует восходу солнца.

Далее на очереди у нас Менглэд.

С этимологией её имени, кажется, всё очень прозрачно. Как уже было сказано, если опираться на Якоба Гримма, то *Menglöð* — «радующаяся ожерелью». Упоминание ожерелья породило гипотезу о том, что речь идёт об Ожерелье Брисингов, а Менглэд — это то же самое, что Фрейя.

О родословной Менглэд мы знаем немного, и тут далеко не всё однозначно.

В большинстве переводов о матери Менглэд сказано, что она родила её «от Сварторина сына». Но в манускриптах слова расставлены несколько иначе.

Манускрипт **AM 738 4to** — *vip suafur þorins syne*.

Манускрипт **Lbs 636 4to** — *vit svafur þorins sine*.

Манускрипт **SÁM 66** — *viþ svafur þorins syne*.

Манускрипт **Lbs 1689 4to** — *viþ svafi þorins syni*.

Слова «Свавр» и «Торинн» отделены друг от друга во всех доступных манускриптах. Проблема в том, что предлог *við* требует дательного или винительного падежа, но слово *svafur* стоит в нём только в одном манускрипте. В целом непонятно, то ли ошиблись авторы манускриптов, записав имя «Сварторин» отдельно, то ли правильный вариант *við Svafi Þorins syni* — «со Свавом сыном Торина», и тогда отца Менглэд зовут Свав (*Svafur*) — «успокаивающий, усыпляющий», а Торинн (*Þorinn*) — имя её деда (возможное значение — «смелый, храбрый»).

Тем не менее, можно также провести некоторую аналогию имени «Сварторинн» с древнеисландским словом *svefnþorn* — «усыпляющий шип» или «шип сна» — орудием, которым обладал Один, и которым он усыпил валькирию Сигдриву. Тогда, возможно, Сварторинн — это тот, кто обладает подобным орудием, т. е. Один³.

И, наконец, Фьэльсвид (или Фьэльсвинн).

Это имя — *Fjölsviðr* — напрямую упоминается в «Старшей Эдде» (в «Речах Гримнира»), и является одним из имён Одина (ст. 47). По всей видимости, это Один и есть.

Песнь начинается с того, что Свипдаг приходит к некоему жилищу. И уже с самых первых строк мы сталкиваемся с проблемой, которая заключается в том, что в манускриптах оригинальный текст записан так, что его приходится разбивать на отдельные слова. Традиционная разбивка первых строф по Бугге/Йоунссону такова:

*Útan garða
hann sá upp of koma
þursa þjóðar sjöt:
«Hvat er þat flagða,
er stendr fyr forgörðum
ok hvarflar um hættan loga?»*

³ От редакции: к тому же в «Речах Гримнира» среди имён Одина упомянуто Sváfnir (Свавнир) — «Усыпитель».

«*Hvers þú leitar,
eða hvers þú á leitum ert,
eða hvat viltu, vinlaus, vita?
Úrgar brautir
árnaðu aftr heðan;
átt-at-tu hér, verndar vanr, veru.*»

Переводчики, естественно, опираются на неё же:
Свириденко:

На гору быстро к жилью исполина
Юноша дерзкий всходил.

(Свиптагр сказал:)

«Что за урод во дворе тут на страже,
Что жарким огнем окружен?»

(Фйольсвидр сказал:)

«Кто ты, незванный? Чего ты здесь ищешь?
Что тебе надо, наглец?
Прочь отправляйся сырою дорогою!
Здесь будешь встречен, как враг».

Гимранов:

К стенам
пришел он, видели сверху,
дома племени турсов:

(Странник сказал:)

«Что за троллиха
стоит пред оградой
и в свете дрожащем видна?»

(Стражник сказал:)

«Что ищешь ты,
иль чей след ты нашёл,
или найти что, бездруже, желаешь?
Назад убирайся
влажным путем,
прочь, щитокрытый, отсюда!»

В то время, как в манускриптах мы видим нечто совершенно иное. В двух манускриптах вместо *þjóðar* («народа, племени») стоит *bróðir* («брат»). В трёх из них — **AM 738 4to, Lbs 636 4to** и **Lbs 1689 4to** — в первой строфе вместо *sjöt/sjót* («множество, собрание, сборище», но также «дом, жилище») стоит *sjol* (вероятно, от *sjóli* – «король, принц») и оно соединено со словом *úrgar* («влажный, мокрый») начала следующей строфы.

Но и Бугге, и Йоунссон разбивают текст по-своему, меняя части строф местами. По этой причине в данной статье не будут указаны номера строф, поскольку русскоязычные переводы выполнены по разбивке Бугге/Йоунссона, в то время как здесь будет использована разбивка Эйстейнна Бьёрнсона (*Eysteinn Björnsson*).

Бьёрнсон предлагает разбивать начало текста следующим образом:

*Utan garða
hann sá upp um koma
þurs á þjóðar sjöt.*

*«Úrgar brautir
árnaðu aftr héðan
átt-at-tu hér, verndar vanr, veru!»*

Снаружи ограды
он увидел вверх идущего
турса возле жилища племени.

«Влажными путями
уйди прочь отсюда,
здесь не будет тебе защиты».

Тогда тот, кто увидел «турса» — это, видимо, Фьельсвид/Один, который охраняет дом Менглэд. Следовательно, «турс» — это Свипдаг, который «идёт вверх», то есть к «жилищу племени» Одина — к Асгарду. И далее в тексте песни также будет достаточно указаний на то, что события происходят где-то в его окрестностях.

Увидев «турса» — Свипдага, Фьельсвид/Один говорит ему о том, чтобы он убирался прочь.

Далее между Свипдагом и Одином завязывается диалог, в ходе которого Свипдаг скрывает своё имя, и говорит о себе так:

*Vindkaldur eg heiti,
Várkaldur hét minn faðir,
þess var Fjölkkaldur faðir.*

Ветрохолодным я зовусь,
Весеннехолодным звался отец мой,
его отцом был Зимнехолодный.

Но в той строфе где Свипдаг говорит Менглэд о том, кто он мы видим следующее:

*Svipdagr ek heiti,
Sólbjartr hét minn faðir;*

Свипдаг зовусь я,
Солнечноясным звался мой отец.

Получается, что Солнечноясный (Сольбьярт) — это другое имя Аурвандиля (в манускрипте **SÁM 66** — *Sólbjargur* — «солнечнопомогающий»). Запомним это.

Далее по ходу сюжета происходит диалог, в котором упоминается древо Мимамейд, в котором явно угадывается Иггдрасиль.

*Segðu mér það, Fjölsviður,
er ek þig fregna mun
ok ek vilja vita:
hvað það barr heitir,
er breiðast um
lönd öll limar?*

Скажи мне то, Фьельсвид,
о чём я спрошу тебя,
и я знать желаю:
как это хвойное-дерево зовётся,
что раскинуло над
землями всеми ветви?

И в следующей строфе Фьельсвид отвечает:

*Mímameiður hann heitir,
en það fáir vita,
af hverjum rótum rennur...*

Мимамейд оно зовётся,
немногие знают то,
от каких корней (оно) стремится...

Сравним с «Речами Высокого», ст. 138, где *hvers af rötum renn* означает, по сути, то же самое. Следовательно, диалог Свидыга и Фьельсвида/Одина разворачивается, как уже было сказано, где-то недалеко от Иггдрасиля, и, следовательно, от Асгарда.

В одной из строф также говорится о плодах Мимамейда/Иггдрасиля, которые, вероятно, являются душами неродившихся людей. Я не буду подробно останавливаться на этом моменте, всех интересующихся отсылаю к своей статье «Репродукция человека и возникновение души в контексте германо-скандинавского политеизма⁴».

Далее есть несколько моментов, на которые бы хотелось обратить особое внимание. Ранее в одной из строф говорится о неких псах:

Гимранов:

...кто эти жадные псы,
обходящие древо
взад и вперед у листвы?

Свириденко:

Как называются псы, что близ дома
С жадною пастью кружат?

Нормализация текста по Йоунссону:

*Hvat þeir garmar heita,
er gífrari hefík
enga fyrr í löndum lítit?*

⁴ https://vk.com/doc-126322188_506873863?dl=49dceb3cae83fa800d

По Софусу Бугге:

*hvat þeir garmar heita,
er gífrari hefík
önga fyrr í löndum litit?*

А вот как выглядит текст по манускриптам:

AM 738 4to:

*hvað þeyr garmar heyta
er gifur roða giorða
fyrer lonþinn lym.*

Lbs 636 4to:

*hvat þeir garmar heita
er gyfur rata giourdo
firi laundin lym.*

SÁM 66:

*hvat þer garmar heita
er gifur rekar giorða
fyr lonþinlim.*

Lbs 1689 4to:

*hvat þeir garmar heita
er givur rata gorþo
fyrir lonðin lim.*

Сложно сказать, откуда и Йоунссон, и Бугге взяли *gífrari hefík engu/gífrari hefík önga*. Возможно, из манускрипта **Rask 21 a**.

Бьёрнссон предлагает вариант, не имеющий с доступными манускриптами ничего общего:

*...hvað þeir garmar heita,
er gífrir rata
og varða fyr lundi lim?*

Здесь вторая строчка — это прямое заимствование из «Прорицания вёльвы» (ст.52):

*...grjótbjörg gnata,
en gífr rata...*

... рушатся горы,
мрут великанши...

Понять что такое *giorða/giourdo/gorþo*, как и следующую строку — весьма проблематично. Но общий смысл, видимо, в том, что вышеназванные псы охраняют дерево Мимамейд. И, как видно из следующей строфы, не только его:

Гимранов:

Зовут одного Гив,
а Гери другого,
коль хочешь знать;
стражники старые,
покой сохраняют
до заката владык.

Свириденко:

Гэри и Гифр эти псы называются,
Раз тебе надобно знать.
Сильны, свирепы, стеречь они станут
Дом до кончины богов.

Йоунссон:

*Gífr heitir annarr,
en Geri annarr,
ef þú vilt þat vita;
varðir ellifu,
er þeir varða,
unz rjúfask regin.*

Бугге:

*Gífr heitir annarr,
en Geri annarr,
ef þu vilt þat vita;
varðir ellifu
er þeir varða,
unz rjúfask regin.*

И Йоунссон и Бугге нормализуют текст одинаково. Но есть ещё перевод на современный исландский, с которого, видимо, и сделан перевод на русский:

*Gífur heitir annar,
en Geri annar,
ef þú vilt það vita;
varða ellilyf
æ þeir varða,
unz rjúfast regin.*

Имя одного из псов — Гери — полностью совпадает с именем одного из волков Одина. Имя другого — Гив — видимо, является таковым для соблюдения аллитерации. Возможно, что подразумеваются, действительно, волки Одина/Фьёльсвида, а Гив — другое имя Фреки.

В приведённом отрывке по какой-то причине слово *ellifu* заменено на *ellilyf*, хотя все манускрипты дают *ellefu/ellifu/ellifo/ellifo*. Слово *ellilyf* и Гимранов, и Свириденко переводят непонятно как. То «старые», то «сильны, свирепы». В то время как *ellifu* — «одинадцать». А вместо *varða* во всех манускриптах стоит *varðir*⁵. Но тогда перевод должен выглядеть так:

⁵ От редакции: имеется в виду, что *varðir* — множественное число от *vörð*, «жестина под покрывалом», «жена».

жён одиннадцать
они охраняют
до кончины богов.

Что это за «жёны» — вопрос открытый. Но, поскольку диалог происходит где-то недалеко от Асгарда, это могут быть жёны богов, если проводить параллели с «Кратким прорицанием вёльвы»:

В живых оставалось
одиннадцать асов,
когда Бальдр пал
у смерти бугра...

Но вернёмся к сюжету «Речей Многомудрого».

Свидаг спрашивает у Фьельсвида о том, как миновать псов-стражей, которые, как сказано в тексте, спят по очереди. Фьельсвид отвечает, что для этого необходимо достать «два мяса куска от крыльев Видофнира» (пер. Гимранова). Видофнир (правильнее – Видопнир) — петух, сидящий на вершине Мимамейда.

Далее в сюжете описывается интересный самозамкнутый цикл: убить Видопнира можно только мечом, хранящимся у некой Синмары, но меч она готова отдать только за некий «сияющий серп» (*ljósan ljá*), который находится «в костях» Видопнира.

Здесь также есть сложности с переводом, поскольку о серпе говорится *er liggur í Viðófnis völlum* или *er liggur í Viðófnis rótum* (по ряду манускриптов). В первом случае перевод таков: «что покоится в Видопнира костях» — от *vala, u, f. the rolling knuckle-bone*⁶. Строго говоря, надо переводить не «в костях», а «в бабках» (бабка — надкопытная кость), но просто «кость» в случае с петухом выглядит как-то уместнее. Определённо не может быть варианта «в жезлах» или «в вёльвах».

Во втором случае перевод будет «в корнях», но это противоречит здравому смыслу, поскольку у петуха Видопнира не может быть никаких корней⁷.

Меч, о котором идёт речь, также обращает на себя внимание. И снова сравниваем переводы.

Гимранов:

«Зовут Лэватейн,
сделанный Лофтом,
выкованный за воротами смерти;
в ларе железном
у Синмары лежит
на девяти крепких запорах».

Свириденко:

Лэватейн меч тот зовется; ковал его
Лоптр волшебством, в мире Смерти самой;
В ларь он железный положен Синмарою,
Девять затворов на нём.

⁶ *An Icelandic-English dictionary by Richard Cleasby and Gudbrand Vigfusson.*

⁷ От редакции: на правах спекулятивного предположения можно вспомнить ещё одно значение *rót* — «основание, подножье». Тогда, как и в случае «костей ноги», мы приходим к образу серпа, лежащего в ногах у петуха Видопнира. Что не выглядит невероятным.

И Бугге, и Йоунссон дают название меча как *Lævateinn*:

«*Lævateinn hann heitir,
en hann gerði Loptr rýninn/rúnum
fyr nágrindr neðan;
í seigjárnkeri
liggr hann hjá Sinmöru,
ok halda njarðlásar níu.*»

Но в манускриптах название меча выглядит совершенно иначе:

Манускрипт **AM 738 4to** — *Hevateirn*.
Манускрипт **Lbs 636 4to** — *H/Beniateirn*.
Манускрипт **SÁM 66** — *Hevateirn*.
Манускрипт **Lbs 1689 4to** — *Hevia teinn*.

Полагаю, что настоящее название меча — это нечто, вроде *He/æfateinn* или *He/æffateinn*. Слова *teirn* в словарях просто нет, здесь явно ошибка переписчика. А вот для *hefa/hefja* или *hæfa/hæfja* я вижу два варианта. Либо от глагола *hefja* — «поднимать, вздывать», либо от *hæfa* — «бить, ударять». Т. о. Хеватейнн — либо «вздывающийся меч», либо «ударяющий меч».

Далее говорится также о том, как называется чертог Менглёд, и кто его построил. И вот тут в русскоязычных переводах можно снова увидеть некоторые странности:

Гимранов:

«Хюр называют,
что будет долго дрожать
на меча острие;
эта палата богатая
будет известна мужам
лишь по слухам»

Свириденко:

«Лир называют чертог этот светлый,
На копьях вращается он.
Лишь понаслышке провели люди
Про роскошь огромных хором».

Так каково название чертога — Хюр или Лир? Верен, по-видимому, вариант «Хюр» (или «Хир»), поскольку именно так он назван в манускриптах **AM 738 4to**, **Lbs 636 4to**, **Lbs 1689 4to** и **SÁM 66**.

Строфа в нормализации:

«*Hurr hann heitir,
en hann lengi mun
á brodds oddi bifask;
auðranns þess
munu um aldr hafa
frétt eina fírar*»

Если попробовать перевести строфу, о которой идёт речь, то увидим, что никакого «меча остря» и «копий» в тексте нет. В оригинале о чертоге сказано, что он «колеблется на широком острие» (*á brodds oddi*). Название чертога — *Hýrr* — необходимо переводить как «тлеющие угли», согласно словарю Клисби – Вигфуссона: «*HYRR, m., gen. hýrjar, [cp. Ulf. hauri = embers, John xviii. 18, Rom. xii. 20]:—embers of fire, but only in poetry*».

Технически допустим также вариант *hýrr* (долгота гласных в манускриптах не проставлялась) — «приятный, улыбчивый, мягкий», но очень сомнительно, что такое название, в большей степени характеризующее живое существо, может носить чертог, место обитания.

И вот мы подошли к первому из наиболее интересных моментов «Речей Многомудрого». Итак, картина: чертог Менглэд, носящий название «тлеющие угли», «колеблется на широком острие». О чём может идти речь?

Поиск ответа по текстам «Эдд» и саг сперва ничего не дал, но затем мне попался на глаза очень примечательный отрывок из книги Отто Зигфрида Рейтера «Германская астрономия» (*Germanischen Himmelskunde*). Точнее, из издания этой книги под названием «Звёздное небо викингов» (Москва, 2014 г.).

Там упоминается о древнескандинавском методе определения начала вечернего времени суток. Метод в переводе назван очень криво – «высота копьа Солнца». В оригинале — *skapthá sól*.

Первоисточник — «Серый гусь» (*Grágás*) — сборник древнескандинавских законов:

Þá er skapthá sól ef maður stendur í fjöru þar er mætist sjór og land að hálfhöllum sæ og mætti hann sjá í haf út þá er sól gengur að vatni enda sýnist honum svo, ef spjót væri sett undir sólina það er maður mætti taka hendi til fals, að oddurinn tæki undir sólina en spjótsskaftshalinn á sjó niður ef í heiði mætti sjá.

Переводить полностью не буду, передам лишь смысл.

Солнце на высоте копьа (*skapthá sól*). Это когда человек стоит на побережье, там, где встречаются море и суша, и когда он может видеть, как солнце движется к воде. При этом солнце должно находиться на острие копьа, до втулки которого человек может дотянуться рукой, и конец которого — в воде.

«Солнце движется к воде» — это явно наступление вечера, солнце опускается в океан. Но при этом, согласно Клисби — Вигфуссону, этот же термин использовался для обозначения начала утра (статья *SÓL*): *early in the morning, sól skapthá*», и далее: «*skapt-hár, adj. 'shaft-high,' above the horizon, of the sun in the early morning; til þess sól er skapthá...*»

«Солнце должно находиться на острие копьа» — эти слова из «Серого гуся» практически в точности описывают картину чертога Менглэд — «колеблется на широком острие». Получается, что чертог Менглэд имеет какое-то отношение ко времени суток — раннему утру или вечеру. Но в связи с упоминанием солнца нельзя не прийти к тому, что речь идёт не только о времени суток, но и о конкретном явлении — утренних или вечерних зорях. Тем более, если учитывать название чертога — «тлеющие угли».

Свиптаг встречается возлюбленную. В. Коллингвуд (W.G. Collingwood).

Таким образом, сама Менглёд — это либо Соль/Сунна, либо некая отдельная богиня, связанная с вечерними и утренними зорями, т. е. аналог Авроры/Эос (и, вероятно, даже Остары). Честно говоря, на ум сразу же приходит Синтгунт — сестра Сунны, упоминаемая во «Втором мерзбургском заклинании». Впрочем, это даже не гипотеза, а домысел.

На связь Менглёд с зарёй также есть намёки в родословной Свиптага. Он является женихом Менглёд, и ранее уже было сказано о том, что его отец — Аурвандиль (или же Сольбьярт), который может быть связан с «утренней звездой» — планетой Венера, предшествующей восходящему солнцу. Как бы то ни было, но мифологема Свиптага и Менглёд оказывается связанной с астрономическими явлениями.

Второй крайне интересный момент «Речей Многомудрого» — это сведения о том, кто строил чертог Менглёд. Русскоязычные переводы говорят следующее:

Гимранов:

Уни да Ири,
Бари и Ори,
Вар и Вегдрасиль;
Дори и Ури,
Деллинг хранитель
башни засовов.

Свириденко:

Уни и Ири, Вэгдразиль и Яри,
Барри и Деллингр и Вар,
Дори мостил его, Ори мостил его,
Локи лукавый мостил.

Переводы, мягко говоря, разные. И — мало того — у Свириденко здесь появляется Локи.

Обратимся к оригиналу по Бугге/Йоунссону:

*Uni ok Íri,
Óri ok Bári,
Varr ok Vegdrasill;
Dóri ok Úri,*

*Dellingr, Atvarðr,
Liðskjalfr,*

Loki.

Здесь текст дан таким образом, что появляются два имени — Атвард и Лидскьяльв. Очевидно, что при таком разбросе вариантов надо снова обратиться к манускриптам. Проблема — в двух последних строчках:

AM 738 4to:

*...ok var þar
lyðski alfur Loki*

Lbs 636 4to:

*...ok var þa
loðski alfr Loci*

SÁM 66:

*...ok var þar
liðski alfur Loki*

Lbs 1689 4to:

*...ok var þar
loski alfr loki*

Слова *ok var þar* — «и был там». Слово *loðski/lyðski/liðski* (с вариантами) пока остаётся неясным, и наиболее близким вариантом из словаря Клисби – Вигфуссона является: *lyðska, u, f. custom, manner*. А вот *alfr/alfur Loki* имеет только один вариант — «эльф/альв Локи». И это — весьма ценное сведение о его родословной.

Третий интересный момент «Речей Многомудрого» — это упоминание некой горы, на которой восседает Менглэд в окружении девяти дев. В русских переводах:

Гимранов:

«Лювьяберг ей имя,
что давно утешает
раны и хвори;
жена исцелится,
даже от давней болезни,
если взберётся до верха».

Свириденко:

Лифьяберг имя ее; исцеляет
От болезней и ран та гора;
Женщина с тяжком недугом излечится,
До вершины дошедши ее.

Оригинал по Бугге/Йоунссону:

*«Lyfjaberg þat heitir,
en þat hefir lengi verit
sjúkum ok sárum gaman;
heil verðr hver,*

*þótt hafí árs sótt,
ef þat klífr, kona.»*

Здесь, не вдаваясь в подробности, сразу приведу примеры из манускриптов, чтобы показать всю несостоятельность названия *Lyfjaberg* — «гора исцеления, гора жизни».

Манускрипт **AM 738 4to** — *Hyfnyá berg*.

Манускрипт **Lbs 636 4to** — *Hifnía horn* (даже не *berg*, но это явно ошибка: сидеть на «роге» вряд ли возможно⁸).

Манускрипт **SÁM 66** — *Huvja berg*.

Манускрипт **Lbs 1689 4to** — *Hivnía horn* (снова та же ошибка, видимо из-за переписывания).

Почему исследователи манускриптов решили, что название горы должно начинаться с «L» (как ранее и в случае с названием меча, и в случае с чертогом) — увы, не известно.

В поисках того, как должна называться гора Менглэд, в словаре Клисби – Вигфуссона я обнаружил прилагательное *hifneskr*, которое по своему виду очень похоже на варианты из манускриптов » *hyfnyá/hifnía/hivnía* (если учесть неточности в орфографии).

Это слово — вариант прилагательного *himneskr* — «небесный», а значит гора Менглэд должна называться *Hifnjaberg* или в нормальной записи — *Himnjaberg* — «небесная гора», а вовсе не «гора исцеления», несмотря на то, что последующие строки говорят об излечении от болезней.

Самое интригующее здесь то, что в Асгарде есть чертог *Himinbjörg*, принадлежащий Хеймдаллю. И теперь вопрос состоит в том, разные ли это чертоги или один и тот же? И если один, то какова связь между Менглэд и Хеймдаллем⁹?

Впрочем, ответ на эти вопросы ещё предстоит дать, а мы двинемся дальше.

В конце концов, Свипдаг задаёт Фьельсвиду/Одину вопрос о том, может ли какой-либо мужчина «лежать в объятьях Менглэд». Фьельсвид отвечает, что такого мужчины нет, кроме Свипдага. Тогда Свипдаг открывает своё настоящее имя, ворота чертога распахиваются перед ним, и Менглэд приветствует его.

Что имеем в итоге?

Основываясь на этимологии имён Свипдага и его родичей, а также на том, что Менглэд может быть как-то связана с зорями, можем предположить, что «Речи Многомудрого» — это песнь о каком-то астрономическом явлении, связанном с восходом или закатом солнца. Более вероятно первое, поскольку о Менглэд, сидящей на вершине, Свипдаг спрашивает так:

*Hvat þat bjarg heitir,
er ek sé brúði á
þjóðmæra þruma?*

Гимранов:

...как ту гору называют,
где, как я вижу,
невеста сидит?

Свириденко:

Как эту гору зовут, где невеста,

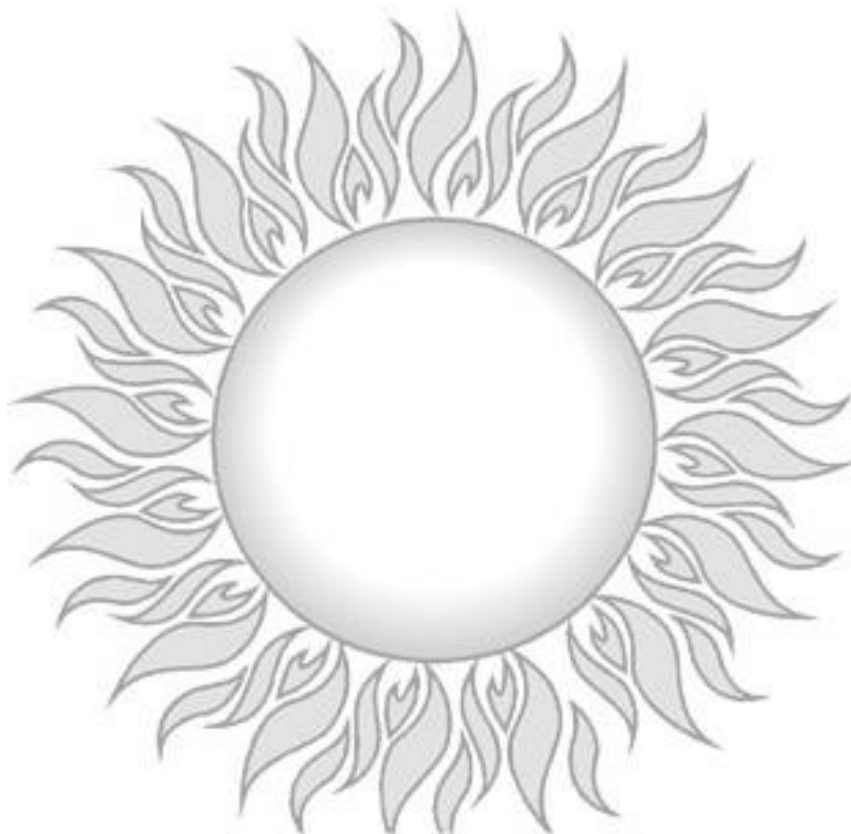
⁸ От редакции: однако одно из значений *horn* — горный пик.

⁹ От редакции: в связи с этим вспоминается перевод названия радужного моста *Bifröst* («колеблющийся путь»), охраняемого Хеймдаллем, — и то, что чертог Менглэд тоже *á brodds oddi bifask* — «колеблется на широком острие».

Дивная дева, сидит?

В оригинале вместо «сидит» использован глагол *þrúma*, который, согласно словарю Клисби – Вигфуссона, переводится как *to mope, tarry, stay behind, loiter* — то есть «хандрить, медлить, мешкать». В целом, это больше напоминает описание утренней зари, когда солнце «медлит», и ещё не взошло над горизонтом.

В целом, повторюсь, моя гипотеза заключается в том, что Менглэд — это либо Соль/Сунна, либо иная богиня, связанная с зарёй (Остара? Синтгунт?).

II. Северная Традиция: истоки

«Ветер великанши»: Снорри Стурлуссон, Рудольф Мейснер и интерпретация мифологических кеннингов согласно таксономическим рядам (отрывок)

(The ‘Wind of the Giantess’: Snorri Sturluson, Rudolf Meissner, and the Interpretation of Mythological Kennings along Taxonomic Lines¹)

Джуди Квин (*Judy Quinn*²)

Перевод с английского Н.Топчий

Резюме. Ряд кеннингов в существующем корпусе поэзии скальдов сопоставляют термин «ветер» с термином «великанша», результирующее значение кеннинга идентифицировано Снорри Стурлуссоном в «Языке поэзии» (*Skáldskaparmál*) как *hugr*³, хотя само это слово иллюстрируется Снорри тремя обширными списками терминов, обозначающих желание, страсть и вражду. В своей таксономии типов кеннинга Рудольф Мейснер (*R. Meissner*) собрал вместе варианта «ветра великанов» и назвал их обозначающими «ум/душа» (*sinni*).

Однако ряд примеров в списке Мейснера основан на исправленных текстах Финнура Йуонссона, что в каждом случае требует тщательного изучения самих рукописей. Анализ, представленный в этой статье, помещает «ветер великанши» в контекст хорошо изученного типа кеннинга «ветер валькирии», чтобы исследовать, как сочетание аффекта со сверхъестественной женской фигурой, по-видимому, действовало в скальдческом воображении. Хотя некоторые из примеров в группе Мейснера предполагают значение «желание», другие, похоже, вместо этого ссылаются на «боевой дух», а некоторые просто на «битву». Существует очень мало доказательств того, что значение кеннинга можно приравнять к «мысли» в абстрактном смысле, что, тем не менее, стало обычным явлением в исследованиях поэзии скальдов.

(...)

VII. Заключение

Хотя я надеюсь продемонстрировать, что сложность каждого из этих кеннингов требует тщательной интерпретации в контексте, результаты проведённого анализа, тем не менее, можно суммировать — в грубом таксономическом выражении — следующим образом. Из шестнадцати рассмотренных случаев⁴ кеннингов типа «ветра великанши», пять могут быть истолкованы как относящиеся к битве способом, аналогичным семантическому

¹ Опубликовано в: *Viking and Medieval Scandinavia*, 8 (2012), 207–259 BREPOLS PUBLISHERS 10.1484/J.VMS.1.103199. Большая часть переводов древнескандинавских кеннингов сделана с исландского оригинала при подготовке к публикации в «Саге».

² Джуди Квин (*Judy Quinn*, *jeq20@cam.ac.uk*) преподаватель древнескандинавских (*Old Norse*) языка и литературы в Кембриджском Университете (*Department of Anglo-Saxon, Norse, and Celtic at Cambridge University*).

³ От переводчика: Читая отрывок, стоит помнить, что, как отмечал ещё А.В. Платов, наиболее точным переводом понятия *hugr* на русский язык будет слово «дух». Также автор мельком касается явления «воплощённой мысли», а это весьма богатая тема как для теологии, так и для магии. Однако и рассмотрение «ветра великанши» не просто как обозначения «души», а как «души желающей, страстной», весьма интересно. Ведь нечеловеческие колдуньи всех видов действительно были в северном сознании воплощением безудержных страстей, граничащих как с похотью, так и со смертельной опасностью

⁴ Meissner 1921, 138–39, объединяет четырнадцать цитат кеннингов (отмечая, что *bergstjóra hregg* случай сомнительный); ср. с Frank 1997, 502, п. 52, который насчитывает семнадцать примеров в пятнадцати строфах или полустрофах.

функционированию кеннинга «ветер валькирии» (*veðr gifrs* «ветер/погода ведьмы», *veðr járnsöxu* «ветер/погода Ярнсаксы», *byrr Gríðar* «ветер Грид», *byrvindr mána bjarnar* и *hregg bergstjóra* — последние два («ветер цита» и «буря правителя горы») не относятся к основному набору, кроме как посредством исправления или интерпретации по аналогии); и еще четыре — все в винительном падеже — похоже, относятся к тому, что можно назвать «боевым пылом» или «смелостью»: *byrr hamra vífs* «ветер жены скал», *hregg hraun-Atla sprakka* «буря женщины (букв. искры) Атли-лавы (т.е. турса)», *byrr þursa týs* «ветер Тюра турса⁵» и *byrr mána óskkvánnar* «ветер любимой-жены Мани⁶»⁷. Следует отметить, что последние два прочтения были получены из проблемных мест рукописей. Пять кеннингов относятся к «пылу» в конкретном контексте эротического влечения, два из них из произведений поэтов десятого века, хотя и сохранились в рукописях после 1300 г. (*byrr Surts kvánnar* «ветер жены Сурта» и *leiði jötuns snótar* «ветер девы ётуна») и три, которые, по всей вероятности, датируются работой Снорри (*vindr Gríðar* «ветер Грид», *viðri Herkju* «погода Херкью» и *byrr hamar porna* «ветер норн скалы»). Один анонимный хельминг, т.е. полустрофа, обычно из двух строк, существующий только как цитата в «Языке поэзии» Снорри, сохраняет кеннинг *vindr brúðar bergjarls* «ветер невесты ярла скал», значением которого может быть «пыл» в боевом или эротическом смысле; отсутствие контекста не позволяет более детально определить (к тому же, датировка строфы не установлена). Наконец, засвидетельствован кеннинг *stormr Herkju* «шторм Херкью» — тот же «ветер великанши», используемый метафорически для обозначения взволнованных мыслей женщины.

Таким образом, корпус кеннингов поддерживает утверждение Снорри о том, что *vindr tröllkvinna* = *hugr* в смысле *sefi* («ум, мысль, любовь»), *sjafni* («ум, любовь, привязанность»), *ást* («любовь»), *elskugi* («любовь, ласка»), *vili* («воля, желание»), или *minr* («ум, желание, удовольствие»), хотя тип кеннинга явно выходит за рамки конкретного контекста любви и генерирует отсылки, которые тесно связаны с таковыми у кеннинга «ветер валькирии».

Точно так же, как «ветер валькирии» мог обозначать либо место битвы, либо сам процесс сражения воинов, так и «ветер великанши», по-видимому, означал либо поле битвы, либо боевой дух воина. Для некоторых поэтов, формулирующих кеннинги, валькирии и великанши кажутся взаимозаменяемыми фигурами, в то время как другие используют конкретные смыслы каждой группы существ. Тем не менее, категория Мейснера, основанная на типе базового слова и типе детерминанта, вынуждает общее значение противоречить нюансам отдельных кеннингов в контексте⁸. Кроме того, практика изменения текстов, чтобы они соответствовали классификации, как можно было заметить, значительно исказила материал. При обсуждении *hugr* в «Языке поэзии» Снорри, вероятно, опирался на свои знания о клише самых известных скальдов, привлекавших в любовной лирике кеннинг «ветер тролльш» как средство выражения силы их эротического влечения к недостижимым для них женщинам.

Однако указание Снорри, что поэты, использующие этот мотив, должны формировать кеннинг, используя имя любой великанши или имя жены, матери или дочери какого-либо великана, демонстрирует его стремление систематизировать то, что на самом деле было гораздо более свободными соглашениями. Имена великанш (*Gríðr* и *Herkja*) используются поэтом в стихе Уппсальской Эдды, а имя великана (*Surtr*) используется Хальфредом

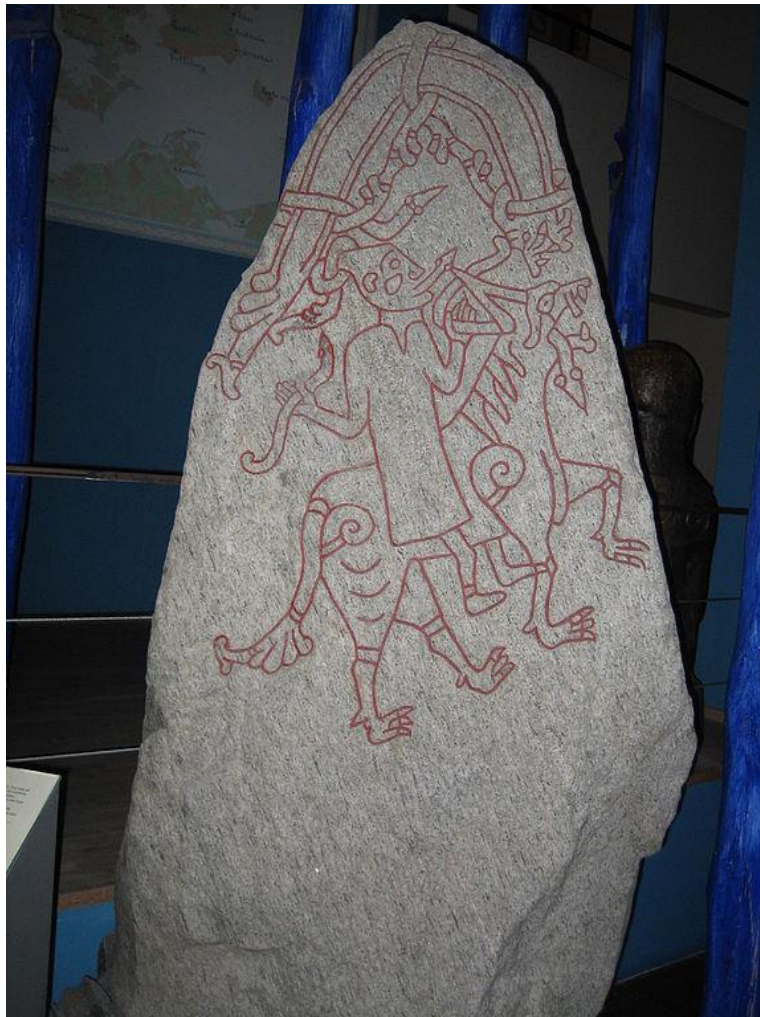
⁵ От переводчика: в Разделе VI автор указывает на возможную у скальда ассоциативную связь между кеннингом воинов *Hristar tyr* «Тюр Христ (валькирии)» и кеннингом великанши *tursa meyjar* «дева турса»

⁶ От переводчика: стоит, наверное, обратить внимание, что Мани, везущий месяц, отнесён здесь к великанам или ётунам, как, видимо, и его сестра Соль, и их отец Мундильфари.

⁷ Ср. Frank 1997, 504: «всякий раз, когда кеннинг [ветер великанши] появляется в стихах, вероятно, его правильно приписывают скальду десятого или одиннадцатого века [...] его значение напоминает “боевую ярость”».

⁸ Meissner, Rudolf. 1921. *Die Kenningar der Skalden: Ein Beitrag zur skaldischen Poetik*, Leipzig: Schroeder

(*Hallfreðr*); но имеем примеры только задействованных в кеннингах этого типа имён жён великанов. В записях нет примеров имён матерей и дочерей великанов. Большинство рассматриваемых кеннингов на самом деле образованы детерминантами, которые являются существительными (*brudr bergjarls* «невеста ярла-гор», *jötuns snót* «дева ётуна», *gífr* «ведьма») или кеннингами (*hamra-víf* «жена скал», *hamarnorn* «норна скалы»), а не мифологическими именами.

Великаниша верхом на волке, камень DR 284 из Хуннестада (Hunnestad, Дания).

Семантическая близость двух списков синонимов для *hugr* в отрывке Снорри⁹ некоторым образом объясняет тесную взаимосвязь эротической опасности и военной угрозы в умах скальдов, связь, основанную на представлении, что в любом случае сверхъестественная женская фигура может быть представлена как влияющая на судьбу мужчины. В этом отношении может оказаться полезным контекстуализировать использование Снорри слова *hugr* в отрывке из «Языка поэзии», взглянув на его использование в других местах Эдды, а также в других мифологических текстах. Снорри описывает легендарного героя Сигурда, например, как величайшего из конунгов-воителей

⁹ В переводе О.А.Смирницкой отрывок звучит так: «Душа (*hugr*) зовется «чувством», «привязанностью», «любовью», «влюбленностью», «желанием», «стремлением». В кеннингах следует звать душу (*huginn*) «ветром великанш», и можно брать имя какой угодно из них или обозначать их как жену, мать либо дочь любого великана. Душа зовется также «духом», «мыслью», «мужеством», «решимостью», «памятью», «разумом», «настроением», «нравом», «верностью». Еще можно звать душу (*hugr*) «гневом», «ненавистью», «злойбой», «яростью», «злостью», «горем», «печалью», «раздражением», «презрением», «лживостью», «неверностью», «непостоянством», «слабодушием», «коварством», «вспыльчивостью», «нетерпением»».

по благородству рода, силе и смелости (*Sigurðr var ágætastr allra herkonunga af ætt ok afli ok hug* — «Сигурд был славнейшим из конунгов по роду и силе и отваге/духу») (Skmal, i, 46) и сообщает, что великан Хрунгнир осмелился вызвать Тора на поединок в качестве испытания на мужество (*hugraun*) (Skmal, i, 21). Поэт Эйнарр Скуласон (*Einarr Skúlason*) говорит, что сердце конунга вздымается в битву, распираемое отвагой (*hugbrúttinn*) (Skmal, I, 91, v. 336; Skj, Ai, 480, Bi, 452), в то время как Эунд в «Саге о Греттире» высмеивал вражеских воинов за то, что они обладают большей способностью к болтовне, чем к действиям (*hyggjandi*) (Skj, Aii, 431, Bii, 462), под которыми он подразумевает превращение смелых мыслей в битву¹⁰. В то же время как *hyggjandi* входит в перечень Снорри как хейти для *vit* (разум) в «Языке поэзии» (Skmal, I, 109), слово, кажется, более конкретно описывает часть сознания, где ментальная реакция вызывает физическое действие. Хугинн (*Huginn*) — это также имя одного из воронов Одина, и в соревнованиях, описанных в «Видении Гюльви» (*Gylfaginning* 40–43) между Тором и Утгарда-Локи одного из непобедимых противников зовут Хуги (*Hugi*).

Однако в обоих случаях концептуализируемая мысль не является человеческой: ворон Хугинн — это проекция мыслей Одина, а Хуги — великана. Снорри объясняет в «Видении Гюльви», что одним из вызовов, с которыми столкнулась сторона Тора, было состязание в беге между Тьяльви и парнем по имени Хуги. После поражения Тьяльви в трех забегах (с увеличением отставания в каждом), Утгарда-Локи объяснил, что Хуги на самом деле был силой его собственного разума, скорость которого Тьяльви не мог бы превзойти: *þat var hugr minn, ok var Þjálfar eigi vænt at þreyta skjótfæri hans* «то была моя мысль, и не было у Тьяльви надежды и пытаться бежать быстрее неё» (*Gylfaginning* 43). Здесь смысл *hugr*, который и олицетворяет молодой бегун, заключается в способности ума перехитрить конкурента, быть способным стать вне поля и действительно увеличить свое лидерство на этапах соревнования.

Слово *hugr* также несет в себе значение стойкости. Молодой волк Фенрир так боялся, что асы будут смеяться над ним из-за её нехватки, что пошёл на испытание, настояв на том, чтобы один из богов дал руку в качестве гарантии, что наложенные на него узы не являются несокрушимыми: *En heldr en þér frýið mér hugar* «но скорее, чем вам обвинять/подстрекать мой дух (*hugr*),...» (*Gylfaginning* 28).

Требование молодого волка о том, чтобы его *hugr* не осмеивали, выражает те же чувства, что и у скальдов Эйнара Хельгасона (*Einarr Helgason*) и Хаука Вальдисарсона (*Haukr Valdísarson*), когда они призывают «ветер великанши», чтобы описать непоколебимую воинскую храбрость перед лицом крайней опасности (как обсуждалось в Разделе VI).

Способ персонификации абстракций, который очевиден в истории о Хуги — и который также очевиден в борьбе Тора с Элли (*elli*, «старость») — сродни классическим аллегорическим фигурам. Однако такая риторическая форма, похоже, в незначительной степени определяла конструкцию кеннинга. (Интересно также, что христианская концепция не подразумевала, что дух человека (*andi*) связан с дыханием¹¹). Почти все упоминаемые в кеннингах сущности — материальные объекты (корабли, оружие, золото), живые существа (боги, животные и люди, включая части их тела) или природные явления (суша, море, лето, ночь) (*Meissner* 1921, IX–XI). Расширением категорий наблюдаемых явлений, таких как огонь (§ 10 по классификации Мейснера), дождь (§12) или весна (§22), являются те кеннинги, которые обозначают наблюдаемые действия, такие как битва (§81) или чтение стихов. (§100)¹². Поэзия воспринимается как совершаемая деятельность

¹⁰ От переводчика: «Сага о Греттире», IV. В русском переводе О.А. Смирницкой: «Ньёрды брани иные//Складно болтать горазды,//А как дойдет до дела,//Мало ума у дерзких».

¹¹ См. *Lexicon poeticum antiqua lingua septentrionalis*, ed. Sveinbjörn Egilsson, rev. Finnur Jónsson, 2nd edn, Copenhagen: Lyngbe, 1931, под *andi*, и обсуждение образа ветра в Frank 1997.

¹² См. также категорию Мейснера «Разное» (§105), которая включает некоторые выражения для абстрактных идей, хотя они, как правило, формулируются во вполне физических терминах. «Смерть», например,

настолько, насколько абстракция рождается из глаголов, предметом которых она является: она предлагается, слышится, принимается и, в своем метафорическом состоянии как жидкость¹³ она течёт, волнуется, звучит и даёт отголоски¹⁴. Многогранность кеннингов для поэзии проистекает из богатства мифа, рассказывающего о её происхождении, а также из семантики её базовых слов, многие из которых обозначают жидкость¹⁵. Текучая природа образа, стоящего за базовыми словами, снабжает поэтов весьма многообразными метафорами, и та же многогранность проявляется в кеннингах «ветер великанши», базовые слова которого аналогично обозначают нечто текучее: силу воздушных потоков в атмосфере.

Хотя кеннинги типа «ветер великанши» не обозначают «мысль» в абстрактном смысле, они выражают идею о том, что мыслительные процессы человека, в той степени, в которой они могут быть спроецированы обратно из реакций людей, могут быть объяснены как эффекты воздействия мощных сверхъестественных сил.

Филологические системы классификации, такие как у Мейснера, достигли значительных успехов в области древнескандинавской мифологии и поэтики, но, как мы видели, как минимум одна из его категорий, которая подтверждается ненадёжными данными, могла быть подкреплена мнением учёных новых поколений, возможно, подтверждена в последующие десятилетия двадцатого века структурализмом, поддерживающим интерпретации, основанные на типах и подтипах. Любое исследование, которое стремится осветить концептуальный мир, стоящий за древнескандинавской мифологией, как это свойственно скальдической поэзии, однако, должно прежде всего доказать наличие подтверждения в рукописях, а не полагаться исключительно на издания, представляющие исправленные тексты. Осторожность также необходимо проявлять в отношении самого систематизирующего импульса, который может вызвать искажения в накопленном массиве доказательств, поскольку аналогия с одной поправкой может быть использована для обоснования дальнейших поправок. Кроме того, необходимо соблюдать осторожность, рассматривая конструкцию кеннингов как полностью нормативную, несмотря на их глубоко условный характер. Далекий от того, чтобы быть фиксированной системой эквивалентов, динамический процесс ссылки на мифы или детали мифологических нарративов посредством создания кеннингов породил весьма разнообразную совокупность выражений. В то время как некоторые закономерности очевидны, среди кеннингов, собранных вместе под названием «категория §64», существует достаточно неясных мест, чтобы вдохновить на более тонкий способ интерпретации, чем тот, который вытекает из понимания составления кеннинга как системы механического замещения.

Кеннинги, объединяющие великаншу и ветер, вероятно, были выражением фундаментальной мифологической динамики: сверхъестественные женские фигуры имели власть влиять на жизнь людей. Однако ситуаций, в которых поэты представляли моменты воздействия, много, сила метеорологического явления и предполагаемое отношение великанши или тролльши к её субъектам разнообразны. Мифология породила возможности, резонировавшие и усиливавшиеся в умах поэтов, которые использовали семиотический потенциал словосочетания «ветер великанши» с великолепным эффектом. Любой проект, направленный на систематизацию свидетельств по таксономическим направлениям, должен избегать риска предположения, что мифологические идеи вбрасывались в пространство, являвшееся акустически мёртвым.

выражается как *andrán* («похищение дыхания»), *lifs grand* («порча жизни») или *aldrslit* («прекращение/прерывание времени-жизни»).

¹³ От переводчика: в кеннингах, так или иначе отражающих миф о Мёде Поэзии. Интересно в связи с этим наблюдение Смирницкой и Матюшиной, что Один наделял скальдов не вдохновением как состоянием души, а готовым Мёдом — самым поэтическим произведением. Видимо, подобным образом тролльши наделяли своим ветром — воплощением отваги или желания, о чём идёт речь в следующем абзаце.

¹⁴ См. *Skjal*, i, 12–14, vv. 26–39 как примеры диапазона глаголов, используемых с кеннингами поэзии.

¹⁵ Дискуссию о метафорах см. в Frank 1981 и Quinn 2010.

Прядь о Хауке Перепелятнике
(*Báttir Hauks Hábrókar*)

Перевод с исландского Н. Топчий (Tradis)
под редакцией Т. Ермолаева.

О пряди и действующих в ней лицах.

Данная прядь входит в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне» из «Книги Плоского острова» (*Flateyjarbók*) и датируется 1387-1394 годами. Первый перевод её был осуществлён Е. А. Гуревич, текст вошёл в состав сборника «Исландские пряди» в 2016 г. под названием «Прядь о Хауке Задаваке». Однако подход выдающейся переводчицы к материалу как всего лишь иллюстрации этапов победы христианства над язычеством с задачей осмеяния древней веры пробудил желание познакомиться с оригиналом. Ведь даже в сатире со стороны противников можно найти следы памяти о настоящем скандинавском язычестве, пусть лишь намёками и с неизбежными в достаточно позднем источнике искажениями. В результате и возникла данная версия текста. Переводчик особо благодарит за помощь Тимофея Ермолаева, без чьих советов работа не была бы закончена.

Конунг Бьёрн с Кургана (*Björn at Haugi*), с чьего имени начинается прядь, правил в середине IX в. вместе с братом Энундом. Последний, однако, был по какой-то причине изгнан из страны. В «Саге о Хервёре и Хейдрике» сказано: «Конунг Бьёрн основал город, который называется у Кургана; его прозвали Бьёрн с Кургана. С ним был скальд Браги¹». Предположительно именно про этого конунга в «Житии св. Ансгария», 11 агиограф Римберт сообщает: «Итак, преодолев сначала длинный путь пешком, а затем на судах переплыв отделяющее Свеонию море, они с огромными трудностями прибыли наконец в портовый город тамошнего королевства под названием Бирка, где были радушно приняты королем свеонов Бьёрном (в оригинале — *Bern*) и сообщили его посланным, ради чего явились. Узнав о цели их прихода и посоветовавшись об этом деле со своими верными, Бьёрн с общего согласия и одобрения разрешил Ансгарию и его спутникам остаться в Бирке проповедовать Евангелие, дабы все, кто хочет, могли свободно обратиться в христианство²». Первое путешествие Ансгария в Швецию состоялось либо осенью 829, либо весной 830 г.

Согласно Адаму Бременскому конунг Анунд (Энунд) из Уппсалы сменил Бьёрна между 845 и 851 гг.: «В течение следующих семи лет епископа в Свеонии не было. В это время к власти там пришел Анунд, который преследовал христиан³». Согласно «Саге о Харальде Прекрасноволосом», 3 сын Бьёрна, Эйрик, уже правил Швецией, когда Харальд ещё не начал объединять Норвегию:

«Тут Гюда обратилась к гонцам и просила передать Харальду конунгу, что она согласится стать его женой не раньше, чем он подчинит себе ради нее всю Норвегию и будет править ею так же единовластно, как Эйрик конунг — Шведской Державой или Горм конунг — Данией⁴».

В той же саге, в главе 28, описана война между Эйриком и Харальдом, и указан год смерти Эйрика:

«Гутхорм герцог жил большей частью в Тунсберге и правил всем Виком, когда конунга не было поблизости. Он ведал и обороной края. Край был очень подвержен нападениям викингов, и немирье царило в Гаутланде, пока жил конунг Эйрик сын Эмунда. Он умер, когда конунг Харальд Прекрасноволосый был десять лет конунгом в Норвегии».

¹ Перевод Т. Ермолаева.

² Перевод В.В. Рыбакова.

³ «Деяния архиепископов Гамбургской церкви», I, 23, перевод В.В. Рыбакова.

⁴ Перевод «Саги о Харальде Прекрасноволосом» принадлежит М. И. Стеблин-Каменскому.

Конунг Харальд Прекрасноволосый (*Harald hárfagra*), сын Хальвдана Чёрного, правителя Вестфольда, — первый конунг, объединивший большую часть земель Норвегии, умер он в 933 г. Есть разные датировки прихода Харальда к власти: пишут про 862 или 890 года, но наиболее часто называют 872 год. Соответственно, год смерти его соперника конунга Эйрика может быть определён и как 872, и как 900 год, но наиболее вероятен 882 год (и он же назван в примечаниях к «Саге о Харальде Прекрасноволосом»).

Упомянутый в тексте Хальвдан Чёрный (брат-близнец Хальвдана Белого) — сын Харальда Прекрасноволосого и Асы, дочери ярла Хакона сына Грьотгарда, нём упомянут в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», 17. Дочь Харальда Ингигерд можно отождествить с Ингигердой, дочерью Асхильд, что была дочерью Хринга из Хрингарики, сына Дага (см. «Сагу о Харальде», 21).

О боге Лютире (исл. *Lytir*) в исландских источниках упоминаний нет, однако в «Деяниях данов» I.6.7 Саксона Грамматика фигурирует воитель Лисер или, в латинском оригинале, *Liserus*, с которым «одноглазый старик» (т.е. Один) связывает клятвой побратимства героя Хадингга. Учитывая путанный евгемеризм Саксона (в том же эпизоде в качестве противника выступает Локер-*Lokerus*, названный правителем куретов, т.е., вероятно, куршей), можно предположить что «Прядь о Хауке» несёт в себе смутную и искажённую память про некий реальный культ. Хотя, разумеется, такого свидетельства недостаточно для определённых выводов. Одна из деталей явления бога в пряди — необычная тяжесть, от чего даже сломалась повозка — выглядит типичным для народных представлений признаком сверхъестественных существ, хотя чаще она относится к немёртвым-драугам. Но в пряди, относящейся к циклу рассказов, группирующихся вокруг истории конунга-христианизатора, иного не стоит и ожидать.

В переводе имена героев пряди приведены к нормализованному виду, хотя в разных рукописях имя *Vjörn*, например, может быть записано как *Veörn* или *Biörn* (при этом несколько вариантов записи может встречаться в одном тексте). Конунга Эйрика в других источниках именуют Эйреком, Энунда — Аунундом и Анундом и т.д. Снефрид (*Snæfriðr*) в оригинале пряди названа везде Сньофрид (*Snjófriðr*), однако выбран вариант, совпадающий с «Сагой о Харальде Прекрасноволосом» из «Круга земного».

Имя героя пряди *Haukr* означает «Ястреб», а прозвище *hábrók*, буквально переводящееся как «длинные штаны», является эпитетом ястреба (из-за характерного для этих птиц оперения на ногах, а так же поэтическим синонимом этого вида птиц. Согласно словарю Зоega (*A Concise Dictionary of Old Icelandic* (1910, 551 pp), by Geir T. Zoëga) так может называться одна из разновидностей ястребов. В переводе прозвище заменено на название широкоизвестного вида ястребиных — ястреба-перепелятника, и на этом строится игра слов в одном из эпизодов.

Прядь о Хауке Перепелятнике.

В Швеции был Бьёрн с Кургана, когда конунг Харальд принял королевскую власть в Норвегии, затем конунгом в Швеции сорок зим или долее был Энунд. Тогда сын его Эйрик взял в жёны Ингигерд, дочь Харальда Прекрасноволосого. Свеи бранили⁵ её и отвезли на какой-то остров, Хальвдан же Чёрный, её брат, забрал её оттуда с собой, после чего долго было раздор между конунгом Харальдом и Эйриком, конунгом шведов.

Одним летом случилось так, что конунг Харальд позвал к себе своего самого доверенного человека по имени Хаук Перепелятник, и сказал: теперь, когда я освободился ото всех военных походов и немирья здесь, внутри страны, будем мы отныне жить в

⁵У Е.А. Гуревич используемый здесь глагол *blóta* переведён как «приносить жертву» (т.е. поклоняться Ингигерд, дочери конунга Харальда), однако кажется более уместным его второе и более позднее значение «проклинать». Даже будь Ингигерд очень уважаемой жрицей, жертвоприношение конкретно ей не имели бы аналогов в северном язычестве. С другой стороны, её брату-язычнику не было бы смысла увозить чтимую сестру.

довольстве и забавах. И теперь хотим мы отправить вас этим летом в Восточные страны, чтобы приобрести мне какие-нибудь вещи, редкие и ценные для наших краёв.

Хаук просит конунга распоряжаться этим как и всем остальным, и тогда позволил конунг поехать прочь от своего двора в разные края людям, которых прежде держал при себе.

Корабль Draken Harald Hårfagre («Дракон Харальд Прекрасноволосый») в проливе Кармсунд (Karmsund)

Хаук отправляется в путь с одним кораблём и надёжными спутниками, и прибывает к осени на восток в Хольмгард⁶, где и остаётся на постой зимой. Приходит он туда, где располагается рынок. Там было много пришлого народа из множества стран. Явились туда и витязи конунга Эйрика из Уппсалы: Бьёрн Синий Бок и Сальгард Рубаха, они своевольничали и унижали там всех людей.

Случилось однажды, что Хаук отправился в город со своим отрядом и захотел купить какую-нибудь драгоценную вещь своему господину, конунгу Харальду, и подошёл он туда, где сидел один человек из Гардов. Хаук увидел там дорогой плащ, что весь был расшит золотом, этот плащ Хаук купил, тогда же заплатил вперёд залог, и отправился оттуда за деньгами. А ранее в тот самый день Бьёрн приценивался к этому плащу для шведского конунга, и была назначена цена, и когда Хаук вышел наружу, туда является слуга Бьёрна и говорит торговцу, что не уйдёт, пока Бьёрн не получит плаща, но торговец отвечает, что одеяние уже выкуплено.

Вот идёт слуга прочь и рассказывает всё Бьёрну, а в это время приходит Хаук за плащом, расплачивается за него, забирает и выходит, и тут навстречу появляются Бьёрн и Сальгард, и спрашивают, почему он забирает плащ, когда они его купили. А Хаук сказал, что купил его он, и он же его и заберёт.

⁶ Хольмгард (*Hólmgarð*) — название Новгорода в исландских сагах.

Бьёрн заявил, что конунг Эйрик имеет первенство во владении сокровищем, ибо он верховный конунг в Северных землях и это подобает ему.

Хаук отвечает: не привык конунг Харальд уступать шведскому конунгу.

Он отослал одного из слуг с плащом домой, и завязалась меж ними перебранка, и Сальгард сказал, что он хочет биться за то, кому владеть плащом, и за то, кто из их конунгов должен называться первым.

Хаук говорит, что они вполне могут биться за покупку плаща.

— Но не хочу я, — говорит он, — вверять честь своего конунга моему оружию.

Тогда подошёл к Хауку один человек, толстый и низенький; Хаук спросил его имя, а тот сказал, что его зовут Буи:

— И здесь один меч, который я хочу дать тебе, если ты задумал сразиться с этими Бьёрном и Сальгардом, и не огорчает он при ударе.

Хаук взял его, осмотрел, и сказал:

— Благодарю тебя, но я не приму его, ибо у меня хватает оружия, чтобы бить, если достанет духа и силы, но я буду звать тебя Буи Бьющий Меч.

Буи отвечает:

— Не отказался бы конунг Харальд, если бы я предложил меч ему, и отвергнуть его было ошибкой, и тебе так покажется ещё не раз.

Затем он повернулся и ушёл прочь.

Вот завязалась меж ними бой, и вышло так, что у Хаука хорошо обстояло дело с друзьями, и он имел больше людей. Пали там несколько человек, и многие были ранены. Хаук одержал победу, но люди той земли встали между ними и разняли их.

Свеи были недовольны, и с тем и отправились домой. Стало про это известно в Норвегии, и так как всё дело излагал Сальгард, то конунг Харальд сильно разгневался.

Вот Хаук прибыл домой, и встретился с конунгом. Конунг Харальд был настроен весьма враждебно и спросил:

— Правда ли, Хаук, что ты вверил мою честь своему оружию?

— Не было такого, господин, — говорит Хаук. Тут он рассказал как всё вышло. Это понравилось конунгу Харальду и он сказал:

— Должно быть, ты сильно встопорщил перья тогда, Хаук, словно настоящий перепелятник⁷, раз победил бойцов конунга Эйрика.

— Правда это, — говорит Хаук, — но топорщились они ничуть не меньше в Англии, когда я сажал твоего сына Хакона на колени Адальстейну⁸, конунгу Англии.

Тут конунг улыбнулся. После этого Хаук был прозван Перепелятником.

Люди говорили, что более дорогого плаща не попадало в Норвегию. Бьёрн и Сальгард встретились с конунгом Эйриком, и рассказали ему, как непочтительно поступил по отношению к нему Хаук, и что конунг Харальд считает себя ничуть не меньшим конунгом. Конунг Эйрик пришёл в дурное расположение духа, и так случилась у него размолвка с конунгом Харальдом.

2. Вигхард пришёл к конунгу Харальду и Хауку Перепелятнику.

Так случилось одной зимой, что конунг Эйрик велел устроить пир на Йоль. Когда он сел на высокое сидение, а его дружина заняла свои места, люди, что стояли снаружи на страже, увидели человека на лыжах. Он быстро мчался, шагая на лыжах, и выглядел как

⁷ Имя героя *Haukr* означает, как уже сказано, «ястреб», употреблённый конунгом глагол *hábrókast* — «встопорщиться, распушиваться, пыхтеть, кичиться» — восходит к поэтическому наименованию ястреба *hábrók* (ср. русское «распетушиться»).

⁸ Речь идёт о споре двух конунгов, Харальда и Адальстейна (Этельстана, 924-940 гг.) из-за старшинства. Конунг Англии через своего посланника вручил Харальду меч, пояснив потом, что это был дар вассалу. В ответ конунг Норвегии отправил людей, которые посадили его внебрачного сына на колени Адальстейна, заявив, что отец отдаёт его на воспитание. Взятый чужое дитя на воспитание тем самым признавал себя ниже по положению, что, разумеется, подразумевало оскорбление конунга Англии.

высокий муж в плаще из волчьей шкуры. Его приняли как желанного гостя. Он снял плащ и остался в ярко-красной рубахе с короткими рукавами, на голове у него был шлем, на поясе меч, и оказался он всех мужей красивее. Был он высок и пригож, волосы имел красивые и длинные, и всех людей был крупнее и сильнее.

Он подошёл к конунгу и приветствовал его. Тот принял его радушно, увидел в нём достойного человека, и спросил его об имени, роде и происхождении. Тот назвался Вигхардом и рассказал, что род его из Халогаланда:

— А дело моё таково, что если ты пожелаешь, возьми меня к себе таким же образом, как прежде Бьёрна и Сальгарда.

Конунг отвечает:

— Видно, что ты достойный человек, но вряд ли я смогу, не испытав, оценить тебя так высоко, как тех, кто побывали при мне во многих опасностях, а они славные витязи.

Тогда сказал Вигхард:

— Всего доброго, господин!

Затем вышел, взял своё снаряжение, и ушёл на лыжах.

Тем временем отправился конунг Харальд на Йольский пир-вейцлу на север в Долину Гудбранда, и на второй день было так, что люди конунга вышли во двор и затеяли игры, а конунг сидел поблизости и смотрел на развлечения, хутор же находился рядом с горой.

Тогда молвил конунг:

— Что сейчас виднеется на горе, это ветер закрутил снежный вихрь или будто человек бежит на лыжах?

Но снег был лёгкий, и взлетал из-под него⁹, а ветер ни увеличивался, ни уменьшался, и потому увидели они, что это, должно быть, человек, хоть и было очень трудно человеку там спуститься.

Прошло немного времени, и появился он на играх, подошёл к конунгу Харальду и поприветствовал его. Конунг хорошо принял его слова и заметил, что он, должно быть, муж выдающийся.

Тот рассказывает о своём происхождении и предлагает конунгу свою службу, если он примет его к своим витязям.

Конунг отвечает:

— Если соответствуют твои умения твоей внешности, будет у нас великий почёт тебе.

Конунг подзывает к себе Хаука и спрашивает, хочет ли тот взять этого человека к себе в сотоварищи. Хаук соглашается с волей конунга. Теперь он был принят в ряды витязей конунга.

3. Харальд отправляет Хаука и Вигхарда с поручением

Однажды летом говорит конунг Харальд, что желает послать Хаука на север в Бьярмаланд¹⁰ привезти меха, и когда Вихард узнаёт об этом, то заявляет, что хочет поехать.

Конунг отвечает, что он не будет ему отказывать в том, что ему подобает. Вот конунг велит подготовить по кораблю каждому, и, когда они готовы, обеспечивает их припасами и говорит, что отсылает нынче от себя тех людей, о которых думает, что это большая потеря, чем многие другие:

— Но кажется мне правдоподобным, что конунг Эйрик прослышит о вашей поездке и захочет теперь припомнить вам, как ты, Хаук, забрал плащ в Хольмгарде. Знаю я идолопоклонство конунга Эйрика, и что он сможет и далее пользоваться им себе в помощь, но я отправляю вас к моей воспитательнице, которую зовут Хейд и которая живёт на севере

⁹Примечание к первоисточнику: здесь в оригинале, вероятно, отсутствует *frá* («от») или *fyrir* («до, перед»).

¹⁰ Бьярмаланд (*Bjarmaland*) или Биармия — область на севере России, как считается, включавшая побережье Северной Карелии, Кольский полуостров и бассейн Северной Двины.

в Гандвике¹¹. Получите её совет. Я посылаю ей золотое кольцо весом двенадцать эйриров¹², и два куска мяса от взрослого дикого кабана, и два бочонка масла.

Вот отправились они прочь с хорошими спутниками и оружием. Конунг Эйрик видит их поездку и говорит Бьёрну и Сальгарду, что он хочет, чтобы они отправились на север в Суртсдалар¹³ и Бьярмаланд. Летом конунг Эйрик приказывает устроить пир-вейцлу в Уппсале. Затем велит конунг поехать двум повозкам к тому месту, где он жертвовал богу, что зовётся Лютир. Был такой обычай, что повозка должна была простоять ночь, и поутру бог приходил к ней. Но теперь Лютир не взошёл на свою повозку, и про то рассказали конунгу, что Лютир не расположен отправиться в путь. Повозка простояла так две ночи, но он не явился.

Тогда взялся конунг совершить ещё большее жертвоприношение, чем прежде, и вот на третье утро оказалось, когда пришли они на место, что Лютир явился. Но так потяжелела повозка, что треснула прежде, чем они прибыли с ним в королевские палаты. Затем повозку поставили на пол посреди палаты, и конунг подошёл с рогом, и поприветствовал Лютира как желанного гостя. Конунг говорит, что он хочет выпить здравицу в его честь и считает очень важным делом, чтобы он отправился в путешествие, и добавляет, что ему, как и прежде, будут даны великие дары.

Лютир отвечает и говорит, что неохотно проделает этот путь и рассказывает, что он уже приходил один раз на север:

— И встретил я там ранее такого великого тролля, какого не встречал прежде, а уже тогда был старым, и не пошёл бы я туда, если бы знал, что тот жив, и надежда моя в том, что нынче он может быть мёртв.

Конунг говорит, что, возможно, так и есть.

Лютир заявил, что конунг достоин хорошего от него, и сказал, что отправляется в путь.

Вот подготовлены были два судна Бьёрна и Сальгарда, и они выходят из Лёга¹⁴. Шёл там впереди драккар, и на нём были чёрные палатки, и ни один человек не видел, чтобы кто-то брался за корабельные канаты. Затем они плывут под парусом на север вдоль берега.

4. Битва Хаука с Бьёрном и Сальгардом.

Теперь нужно сказать о Хауке и Вигхарде, что они прибывают на север в Гандвик, и идут на хутор Хейд, воспитательницы конунга Харальда, шесть человека с каждого корабля. Она сидела у огня и сильно зевала¹⁵, была она в кожаной рубахе, рукава которой достигали локтя.

Хаук передал ей приветствие конунга Харальда. Она говорит:

— Хорошим кажется мне приветствие конунга Харальда, — и добавляет, что хочет отправиться с ними на корабль. Она тогда просит каждого вернуться домой и говорит, что злой будет эта поездка.

Хаук доставал ей не более чем до руки, а был он мужем наикрупнейшим. Он передал ей сперва кольцо.

Тогда сказала она:

— Счастья конунгу Харальду! — и натянула кольцо себе на руку.

¹¹ Гандвик (*Gandvik*, Колдовской Залив) — обозначение в сагах Северного Ледовитого океана, и, в частности, Белого моря. Вместе с именем Хейд, которое в сагах обычно принадлежит колдуньям, получаем картину некоего сверхъестественного края и его обитателей.

¹² Эйрир (мн.ч. *augar*) — дежная или весовая единица, 26.79 грамм.

¹³ Суртсдалар (*Surtzdalar*) — как пишет Т.Джаксон, речь идёт о Суздальской земле, а упоминание её в саге по соседству с Бьярмаландом может быть вызвано заимствованием из «Саги о Хаконе Хаконарсоне», входящей в вместе с прядью в рукопись — «Книгу с Плоского острова» (см. «Древняя Русь в свете зарубежных источников», т. V «Скандинавские источники», гл. VIII.3, примечание 13).

¹⁴ Лёг (*Leginum* или *Lögrinn*, Водное или Море) — местное название озера Меларен (*Mälaren*) в Швеции. Снорри в «Саге об Инглингах», V именно его описывает как след от борозды, проведённой богиней Гевьон, когда та отпахивала себе участок земли у конунга Гюльви.

¹⁵ Зевота считался приметой прихода фюльгий (духов-спутников) гостей.

— И вот два ломтя свинины, что он послал тебе.

— Неплохое это послание, — заметила она. Когда же он передал масло, то она сказала:

— Не схож конунг Харальд с другими людьми, хороши эти сокровища, и не получала я подобных, и если я это ему не возьму, тогда не будет ему возмещения вовсе.

Она взяла подмышку оба бочонка, а ломти свинины закинула себе за спину, и сказала, что видится ей этот дар большим, чем другие:

— И знал мой воспитанник, что мне покажется наилучшим. Теперь слушайте меня и ступайте со мной!

И так они и сделали. Вот она разводит огонь и садится по другую его сторону. Им показалось, что рот она скривила уродливо, ибо одной губой она снизу поддерживала грудинку, а вторая высоко задралась аж до носа. Она сняла с Хаука одежду, ощупала его, и сказала:

— Ты крепок и удачлив.

Она попросила его поцеловать себя, и так он и сделал.

Тогда предлагает она Вигхарду снять одежду, он промедлил, но Хаук просит его сделать это, и так и стало. Она сказала:

— Большой муж и хорошего обхождения, и на диво сильный.

Она просит его поцеловать себя. Он предлагает, чтоб её перецеловали все тролли. Она отвечает:

— Больше было бы тебе дано доброты, — и говорит, что ему от того выйдет больше вреда, чем пользы.

Она даёт Хауку два камня:

— И если Бьёрн и Сальгард нападут на ваши корабли, то киньте их за борт.

Корабль Draken Harald Hårfagre под парусом.

Вот плывут они на север к Бьярмаланду, и однажды вечером видят, как от островов скользит корабль, и люди думают встретиться и расспросить о новостях. Тут Хаук узнаёт, что это Бьёрн и Сальгард. Мало было приветствий помимо того, что сводят они свои корабли вместе и начинают сражаться.

Вот видят они, что драккар встаёт у острова, и с него летят стрелы, и каждая нашла себе человека. Не приходит на ум Хауку вспомнить о камнях старухи.

Тут гибнут все люди у бортов по обеим сторонам кораблей. Теперь они оба, Хаук и Вигхард, переходят на другой корабль, ибо корабль Вигхарда был зачищен. Они с Хауком вступают тогда на нос и перескакивают на судно Бьёрна и Сальгарда, и встают перед мачтой. Туда подходят Бьёрн и с ним Сальгард, и выступают против них. И раздражается там между ними битва, прекратившаяся не прежде, чем все они получают раны. Бьёрн спускается с возвышения на корме к Хауку. Вот начинают они четверо снова сражаться, и заканчивается тем, что Бьёрн погибает.

Вигхард атакует тогда Сальгарда, и, когда меньше всего ожидалось, с драккара прилетает стрела Вигхарду в грудь, и падает он мёртвым. Хауку приходят тогда на ум камни, и в гневе он швыряет их за борт, на драккаре снизу вспыхивает пламя и жадно поднимается вверх между носом и кормой.

Хаук убивает тогда Сальгарда, но он потерял свой глаз. Помочь его людям было уже невозможно. Относит он тогда на одну лодку свои оружие и одежду, и останавливается не раньше, чем приходит назад к старухе Хейд, и рассказывает ей новости. Она была рада, что он вернулся. Излечивает она его, и отправляются они в путь, и сопровождает она его туда, где были торговцы. Приходит он туда к кораблю вместе с людьми, что намеревались отправиться на юг вдоль берега. Оттуда она вскоре отправляется обратно, а он не прерывает своё путешествие, пока не находит конунга Харальда и не рассказывает ему всю историю.

Конунг был рад, что он вернулся. А про Лютира говорят так, что он пришёл назад к конунгу Эйрику, и сказал ему, что никогда больше не сможет прийти после этого, из-за увечий, которые, как он заявил, получил от огромного тролля в Норвегии.

5.0 внешности и росте конунга Харальда.

Эйрик был конунгом в Швеции сорок и семь зим.

Конунг Харальд был видом красивее и величественнее всех людей. Волосы у него были подобны шёлку или кованному золоту, и завивались большими прядями, и были так длинны, что он мог заткнуть их себе за пояс. Он был и всех людей сильнее и крупнее, так как ещё можно посмотреть на его рост в Хаугасунде¹⁶. Там на запад от церкви лежит плита, что была над его могилой, и она длиной тринадцать с половиной стоп. Стоят там также на церковном кладбище два камня, один находился в головах, а другой в ногах могилы, между этими камнями лежала та плита над могилой конунга, когда курган был раскопан, и этот камень, верно, такой толстый, что доходил бы человеку до середины бедра.

И когда произошли столь великое событие, что конунга Харальда постигла смерть, то было ему восемьдесят зим и ещё три, он умер от болезни в Рогаланде и был похоронен в кургане в Хаугаре¹⁷ у Кармсуна¹⁸.

Все люди очень сожалели о конунге Харальде, и говорили все как один, что не было ему равных по разуму и духовному и физическому совершенству, милосердию и радушию, которые он проявлял к своим людям.

Угадывал он и избегал всяческого колдовства и чародейства с тех пор как понял обман Сваси, дверга¹⁹, что как-то йольским вечером явился к нему и склонил его дух к одной

¹⁶ Ср. описание погребения конунга в «Саге о Харальде Прекрасноволосом»: «В Хаугасунде стоит церковь, и у самого церковного двора, к северо-западу, расположен курган Харальда Прекрасноволосого. К западу от церкви лежит могильная плита Харальда конунга, которая лежала на его могиле в кургане. Эта плита тридцати с половиной стоп в длину и почти два локтя в ширину. Могила Харальда конунга была в середине кургана. Один камень был поставлен у него в головах, другой — в ногах, а сверху положена плита, и с обеих сторон снизу навалены камни. Камни, которые стояли раньше в кургане, стоят теперь на церковном дворе» (перевод М. И. Стеблин-Каменского).

¹⁷ Топоним *Haugar* переводится как «Курганы».

¹⁸ В пряди место погребения названо *Karmsund*. В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» сказано, что он «погребен в Хаугаре у Кармтсуна (*Karmsund*)».

¹⁹ В «Саге о Харальде Прекрасноволосом» Сваси назван финном, при этом в оригинале глава 25 озаглавлена *Frá Svasa jötni* (Про ётуна Сваси).

финской женщине по имени Снефрид с такой жаркой любовью, что конунг пошёл получить её и любил её превыше всего, ибо показалась она ему из-за заклятия Сваси прекрасной.

Семья саамов в Норвегии. Примерно 1900 год.

Имел он от неё сыновей и, как рассказывается раньше, в конце того колдовства Снефрид умерла, и была укрыта широким покрывалом, подаренным Сваси, и столь великие заклятья были в нём сокрыты, что конунг Харальд, видя её облик, такой яркий и здоровый, не пожелал предавать её земле, и сам просидел над нею три зимы, и ни на что не обращал внимания из-за страсти к ней, мёртвой.

Произнёс тогда конунг Харальд по ней драпу, названную драпой Снефрид, и вот её начало²⁰:

Боязно буйный вызвать
бойцов оробевших хохот:
я деву одревенелую
бужу друга искупаться.
Драпе из Двалина хватки
дал я влагой пролиться.
Мужам предложил питья Регина²¹
справного, с ладом скальдов.

²⁰Смысл оригинальной висы достаточно тёмная и передана приблизительно.

²¹Регин и Двалин — имена карликов-двергов, питье́ дверга — мёд поэзии, т.е. сам произносимый конунгом стих. Одновременно в строфе обыгрывается тот факт, что колдун Сваси назван в пряди двергом и тоже даёт конунгу волшебный напиток

Позже предложил один мудрый муж, что был с конунгом Харальдом и звался Эгиль Шерстяная Рубаха²², убрать с тела покрывало. Оказалось тогда тело гнилым и дурно пахло, и затем погребли его по древнему обычаю.

После этого конунг Харальд настолько разгневался на заклинания, чародейство и всякое колдовство, что не позволил никому из таких людей процветать в своём государстве, так что каждый был либо убит, либо бежал из страны. Позднее про это сказали:

Было это бегство не давним,
финна козни разбиты Харальдом.
Светлым солнцем дева увиделась,
оттого судят многих без милости.
Так здесь заканчивается рассказ о конунге Харальде.

²² В «Саге о Харальде Прекрасноволосом», 25 мудрый советник назван Торлейвом Умным (*Þorleif spaki*), а не Эгилем Шерстяной Рубахой (*Egill ullserkr*).

III. Язычество сегодня. Мнения.

Переход из духовного туриста в человека, осознанно идущего по пути. Олег Боровик

От редакции: статья написана о родноверах и для родноверов, но может заставить задуматься всех язычников (и не только их).

Год следует за годом обрядов, праздников, совместных действий общины, раскрывающих величие вечно возвращающихся смыслов — обновления жизни, возвращения радости и возвращения увядания.

Есть люди, вроде бы ярко и активно включающиеся в праздники, обряды, шьющие себе красивые одежды...

Споры, речи восторженные, горящие глаза — в общем — все признаки неофитства — неизбежны.

Время ярких первых впечатлений, встречи с Поток. Но время это не очень долгое.

Родноверие, как и любой другой путь, полнится в том числе теми, кого можно отнести к таким «духовным туристам». Долго они одной тропой не ходят, пройденный пару раз маршрут кажется уже знакомым, тянет на что-то свеженькое.

И люди идут в иные стороны, куда придётся, хоть в космоэнергетики, хоть в кришнаиты, хоть куда...

А часто и просто — куда-нибудь в Турцию на пляж вместо, скажем, холодной северной Купалы. Проходит время ярких впечатлений, а другого способа получать энергию Потока, кроме как от чего-то нового, люди не раскрыли.

Глубже в колодец Традиции, в тайну вечно чередования смыслов всматриваются уже гораздо реже.

Увидеть в колодце Кологода Вечное Небо, может тот, в ком есть сила возвращения, погружения, обретения смыслов не от поверхностных впечатлений, а от осознания своего развития в Традиции.

Глубокий смысл чередования бытия чувственно не раскрывается человеку за год или два. На самом деле, чем больше осознанных вращений годового кола переживает человек, тем более он приближается к единому дыханию жизни своей и жизни всего того, что он познаёт как мир окружающий.

Купала в этом смысле — заметный и знаковый рубеж. Радостный в том, что год за годом всё яснее очерчивается круг тех, кто видит этот смысл вечно возвращения Традиции.

Впрочем, круг очерчивает и тех, кто от Традиции отпадает. И это — просто одно из свидетельств слабости человека, что пытается встать на путь.

На самом деле, способность следовать регулярному и протяжному обрядовому ритму дана далеко не всем. Тем более, в наше распадающееся время. Это сложно, особенно после того, как проходит новообращённое любопытство.

Ведь следовать ритму неба возможно лишь тогда, когда есть сила внутренняя. Сила смотреть на это небо, а не только себе под ноги. И чем больше — «под ноги», тем меньше сил приезжать на обряды, творить праздники, совершать усилия.

Тут, кстати сказать, именно путь Родной Веры — особо требовательный. Ведь это не в храм через дорогу перейти как у некоторых...

Тут ведь не в шаговой доступности, нужно далеко — куда-то в лес, часто в плохую погоду, часто долго идти, потом ещё работать, готовить капище, дрова таскать, воду — в

общем — заново проявлять совместными усилиями ту сакральную территорию, где лишь в результате этих усилий свершится очередная великая встреча с Богами.

Нужны хоть какие-то аскезы, нужен труд, нужно упорство следования и внутренний запрос о том, что это — твой путь.

И, собственно, совершаемый праздник, творимый обряд в такой Купальский день и возможен-то во всей полноте лишь для тех, кто погружается в этот процесс год за годом, осознанно отдавая свои силы на этот путь, осознанно поднимая свой взор к небу.

И тогда человек попадает в то сакральное место, где он и Боги — рядом — в одном кругу, на одном капище, за одним праздничным столом, на берегу одной реки.

Это заметно, даже в наблюдении за людьми, в том, кто и насколько вкладывается в праздник, в творимый обряд. Человеку, подоспевшему лишь к последней минуте перед началом праздника, куда сложнее войти в круг радости, чем тому, кто всеми силами созидал это особое пространство встречи. Более отдавшие — получают сторицей...

Круг купальский прирастая год от года, очерчивается внутри, вовлекая людей новых. И эту силу обретения народом Родной Веры нельзя не заметить.

Но идём мы и утрачивая тех, кто, казалось, недавно так стремился войти в наш круг. Войти может каждый, а устоять там в коловращениях... Шаг этот — следующий, кстати, куда более существенный.

Переход из духовного туриста в человека, осознанно идущего по пути — переход от исканий по горизонтали от одного учения к другому, к вертикали подъёма.

Купала инициировала новых людей, обожгла искрами пламени духовного, разожгла костёр внутренний. Сколько из них смогут возвращать этот огонь Богам? Ведь далее — без обращения нет ответственности небес.

Боги отвечают, но сами не навязываются. В этом — один смыслов обрядов — в сохранении беседы с Богами. Ответ приходит только к вопрошающим.

И это куда как важнее, кстати сказать, любой суетной активности этого мира.

На самом деле, обращение к Богам, куда важнее, чем обращение к властям или к оружию. Важнее призывов к войне или к миру, важнее самых важных дел тут.

Сколько тех, кто, так переживая о ситуации в этом мире, так и не нашли сил на то, чтобы в великую ночь прийти к Богам предков народа своего?

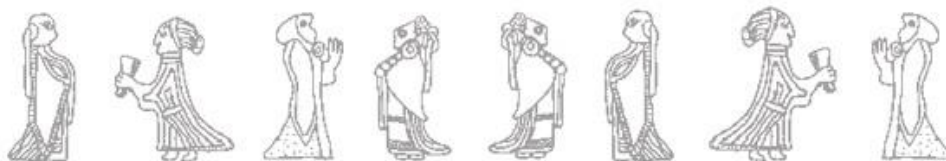
Родноверие — прежде всего путь мистический, путь соединение человека в Яви, очерченного с миром вечным. В осознании себя Богом.

И не будет мира пока внуки Дажьбожьи не окажутся в одном кругу перед богами своими. Потому, как не могут ссориться те, кто пребывает в единстве с едиными богами своими. И вечно будут ссориться те, кто не понимает важности этого мистического смысла родноверия.

Мы приходим на праздник не топоры в мишень покидать, и даже не песни попеть в хороводах. Мы приходим на встречу с Богами.

То есть поднимаемся наверх. И как всегда — наверх трудно. И год от года идущим — труднее, а не легче. Труднее потому, что каждый год нужно выше подниматься.

Так, что с праздником те, кто приподнялся хоть на воробыный скок.

IV. Мастера.

Мастер-класс по жертвенной кукле.

Волкова Светлана (*Rogneda*),
Романова Алла (*Runfrida*).

Существует мнение, что жертвенные куклы появились в качестве замены реальной жертвы животного или человека, которая могла приноситься в прежние времена. Так это было или иначе, мы не знаем. Но у европейских народов существуют традиции создания таких кукол на определенные праздники. Так всем известна традиция создания куклы, символизирующей Зиму весной, и её ритуальное сжигание. На праздник Летнего Солнцестояния в России делали фигурки коня из соломы, символизирующего Солнце, и предавали их огню. Норвежцы же сжигали человекоподобную фигуру, называемую «старик» или «старуха». Возможно, этот обычай связан с мифом о смерти Бальдра, именно в это время день становится короче и лето начинает клониться к своему концу. В это время в северных странах Европы принято делать кукол из трав и соломы. Кроме сжигания жертвенных кукол существуют также традиции закапывания в землю (похорон), как с тряпичной куклой Андропушкой в России, а также преданию водному потоку (утоплению). Огонь, земля, вода — священные очистительные энергии, которые помогают перенести жертву в иной мир, мир духов и предков, а также в мир Богов.

Одной из таких жертвенных кукол в России была кукла Купава или Купавка. Её делали на Ивана Купалу из подручных средств, основой служили две берёзовые веточки, перевязанные крестообразно. Наряжали куклу в красивые одежды, а на руки завязывали ленточки, которые символизировали то, от чего хотели избавиться. Уплывая, кукла уносила с собой все печали и невзгоды. Мастер-класс по созданию такой куклы мы и хотим вам представить.

Берём две палочки для крестовины. Это будет тело и руки. Для красоты можно обернуть палочки тканью, как на первом рисунке.

Затем приступает к созданию головы, для этого берём кусок ткани в форме квадрата и кусок ваты (или любого другого набивочного материала).

Формируем голову и одеваем её на палку, символизирующую тело куклы.

К телу привязываем руки.

На голову куклы можно просто надеть платочек. Но можно и заморочиться, сделать кукле красивые волосы из ниток льняных или шерстяных. Для этого отматываем два пучка ниток подлиннее и покороче.

Формируем пышную шевелюру и скрепляем волосы оберегом из тесьмы.

Для одежды нам потребуются два прямоугольника. Один на платье, другой на передник. Большой прямоугольник разрезаем до половины и формируем горловину платья.

Платье одеваем на куклу разрезом назад.

Одеваем передник.

Повязываем пояс из тесьмы.

Осталось только завязать ленточки, наговорив на них то, с чем вы хотите расстаться.

Всё! Купава готова унести ваши беды, невзгоды и печали в иной мир подальше от вас.

Конечно, это такой урбанистический вариант жертвенной куклы. Если вы находитесь на природе, то лучше будет сделать куклу из травы и цветов.

Поздравляем всех с предстоящими праздниками! Всем творческих успехов, тёплого лета и урожайной осени! Дом Варген.

У.Творчество.

Глиняный человек

Лев Прозоров

— Эй, не обманывают ли меня мои старые глаза? Не люди ли с Волчьей Реки передо мною? Никак и Фрагила Посох, старый приятель... аааа, вот и ты! Будь здоров, будь здоров, дружище, давно мы не виделись — с прошлого тинга. Благодарю, благодарю, не откажусь! Уж верно, не затем я шёл с того конца поля, чтоб отвернуться от рога с элем и места у костра. Что нового на Громовом Холме, спрашиваешь? Посох, старина, в наши годы то уже хорошо, когда рассказать особо не о чем. Пятеро достигли тех лет, когда им пора давать оружие и показывать людям — завтра ты сам их увидишь, и сам будешь судить, хороши ли они. Родилось больше, чем умерло, да и умирали-то — трое хилых младенцев, да бабка. Да, вот ещё диво — тем летом у нас жил Глиняный Человек. Думаю, мои завтра развезут про него по всей долине, может, кто напугает, а кто и приврёт для красного словца, но этот эль и наша с тобою дружба, Посох, стоят чистой правды, не будь я Алавин Урожай.

Нет, свой его звали по-другому, но об его имя разве что у Хивигара Толмача язык в узел не завяжется. Да и помер он... непонятно, так что мы теперь, когда вспомним, говорим — Глиняный Человек. Вроде и вреда от него, кроме него же самого, никому не случилось, а оберечься не мешает.

Он пришёл с римлянами, с Тибулом Широком — знаешь его? Широкий говорил, что хочет дойти до самого моря эстиев, за жёлтым камнем — если жив, там, видать, и зазимовал, потому как назад его ещё не видели.

Нашему-то глазу, известно, южане все на одно лицо, но вот я, не совру, этого как-то сразу заметил, не будь я Алавин Урожай. Не скажу, чтоб он отличался одеждой, или глазами, или волосами — но от него как-то все было чуть на особицу, так держатся в деревне с дураком, что ли. Сперва я даже удивился такому — вроде он не сторонился работы, и не отставал, когда Широкий отдавал приказы, лодку вытаскивал на берег, мешки таскал — а всё же видно было, что прочим римлянам он как чужой.

Я спросил у Тибула, да он только махнул рукою с досады. Сказал, что человек этот великий болтун, и за болтовню его даже хотели убить в родном городе. Тибул бы его с собою не взял, но ему был знак перед поездкой, не отказывать просящему, вот Широкий его и волок за собою. Впрочем, вреда, как он говорил, от болтуна толком и не было, как, впрочем, и какого-то большого проку — одна суета.

Перед тем, как уехать, Тибул подошёл ко мне, и сказал, что тот человек заметил, как мы про него говорили, и просится у него остаться в нашей деревне. Он, мол, ищет место, где говорить о своем боге — а так он ест немного, не буйный, не чурается ни грязной работы, ни тяжёлой, и к бабам не лезет. Тут я было насторожился, потому как Хивигар Толмач рассказывал про иные римские обычаи... про которые не стоит говорить в добром месте и за доброй чашей — благодарю, благодарю. Но когда я прямо спросил Тибула, Широкий захохотал, и заверил меня, что попутчик его не из таких, да и бывает, мол, это самое раз в сто меньше, чем о том болтают.

Ну, ты знаешь Тибула — его много где уважают, и наш Громовый Холм не в сторонке. Раз уж он попросил за человека, я согласился его оставить — хотя бы до тех пор, пока Тибул не пойдёт нашими местами обратно. Тот человек очень обрадовался, услышав, что его оставляют, но Тибул, мне показалось, обрадовался моему решению ещё больше.

Не то чтобы Широкий мне соврал — мы-то с тобою его знаем, он честен, настолько, насколько может быть честен римлянин. И впрямь не было работы, от которой чужак бы

отказался — но, Фрагила, римлянин же мне не сказал, что нет работы, про которую его земляк не забудет, толкуя про своего бога!

Всякий рад рассказу о чужедальных местах — ты вроде как там сам бываешь, не сбивая ног и не оставляя своего дома. Вот только в жизни бы не подумал, что такие рассказы могут быть настолько скучны — а там, где они не были скучны, они были непонятны, и даже оставивший свою руку на римской службе Хивигар чаще всего или не мог нам втолмачить, о чем говорит чужак, или даже сам не понимал этого.

Самая болтливая и глупая девчонка меньше трещит про своего жениха, самая бестолковая бабёнка не так досаждаёт людям, толкуя про своего первенца, как этот человек говорил про своего бога — худо так о госте, но я начал понимать его земляков, что, говорил Тибул, хотели прибить парня к деревянному столбу. Только я почти ничего не запомнил — как трескотня влюбленной девчонки пролетает сквозь уши, не оседая в голове, также у меня вышло и с его рассказами. И снова скажу — они были скучны. Его бог не победил ни одного чудовища, не заделал брюхо ни одной бабе — уж на это-то, согласишься, не надо много ума. Подрался он один-единственный раз — когда увидел, как торговцы сели продавать товар на капище, то стал бить их веревкой. Тут, по правде сказать, я начал подозревать, что наш гость не только болтун, но и лжец. Римляне чудной народ, нет спору, но богов они уважают — ты можешь себе представить, чтоб тот же Широкий поставил прилавок у жертвенника? Вот и мне было не под силу. И кстати — если б кто взялся так наскакивать на Тибула, когда тот принялся торговать — верёвкой бы он потом от Широкого не отмахался, римляне не дураки подрагаться, и не любят, когда им мешают вести дела. В той байке даже не было ни одного имени тех, кого бог чужака побил! Ещё был забавный рассказ, как его бог заколдовал всю воду на свадьбе, и она стала элем — вот это всем понравилось, и наши стали ждать, что тут-то этот бог заделает мальчика какой-нибудь девчонке, где ж ещё этим заняться, коли не на весёлой свадьбе — но чужак ничего не сказал про девок. Зато однажды он начал рассказывать про то, как брат одной женщины, что служила богу, помер, и бог тогда пошёл к могиле — тут я понял, что он хочет рассказывать, как поднимают мертвецов, и велел ему замолчать — дело было к ночи, луна шла на убыль, и вовсе не стоило зазывать к себе тех, кто ушёл навсегда. Ещё было, помню, он рассказывал, что ту женщину-де, у которой помер брат, соседи хотели побить камнями. Сперва я думал, что за то, что та была колдуньей — у нас их жгут, да в каждой земле свое колдовство и свои отколдовки. Тем паче, что он её звал «волчицей¹» — вот я и думал, что она перекидывалась, но оказалось, совсем не так, а как, я не понял. И тогда бог гостя сказал соседям бабы-волчицы какое-то хитрое заклинание, которое я позабыл мало не раньше, чем чужак его закончил. Соседи, видать, тоже ничего не поняли, и на всякий случай разошлись.

Да, Посох, ты не поверишь и с бабой-волчицею тот бог тоже не спал. Я спрашивал.

Но теперь хочу сказать о том, как и почему вышло, что чужака стали звать Глиняный Человек. Он был болтливый, но безобидный надоеда — покуда дело не коснулось Донара, ну ты знаешь — деревянного, что стоит под дубом на том самом холме, от которого назвали нашу деревню. Чужак часто ходил там, где люди собирались — искал, кто ещё хочет послушать про его бога. Ходил он и на суды. Вот однажды пришлось Льяно Снохачу и Ваге Волчьему Хвату клясться, и для этого они пошли к дубу, где стоял наш Донар и лежало у его ног кольцо-обручье для клятв. И тут-то чужак принялся нас попрекать — мол, разумные люди, а кланяемся деревянной кукле, которую сами же и вырезали. Старики стали его осаживать, и говорить, что, первое дело — деревянный-то, вестимо, не сам Донар, а его изображение — дерево же никуда не девается, когда Рыжебородый ездит по небесам на своих козлах. А второе дело — это как раз Донар с Вотаном и Логатором вырезали в начале времен из дерева первых мужчину с женщиной, от которых пошёл человеческий род, и римляне, наверно, тоже. Это чужаку страшно не полюбилось, и он заявил, что происходит

¹ Хивигар, простая душа, неправильно истолковал латинское слово *lupa*, имеющая как значение «волчица», так и «публичная женщина».

от человека, которого его бог слепил из глины. Тут всем стало неуютнее, чем когда он толковал про могилу и поднятого мертвеца. Смекаешь, Посох? Мы ж все слышали про чучело из глины, которое слепили себе в подмогу злые великаны, собираясь войною на Донара. Нигде, правда, не рассказывалось, чтоб лепной парнице успел оставить приплод за собою, перед тем, как развалился на куски со страху, так дело то, как я только что толковал, нехитрое. И вот пожалуйста — стоит перед нами чужак, римлянин, не похожий на римлянина, хает Донара и твердит, что пошел родом от глиняной куклы. Поневоле... задумаешься. Его и раньше мало кто звал по имени, всё «чужак», да «римлянин», кто подбрее — «гостем», а после этого случая и вовсе звали только Глиняным Человеком. А он теперь принялся не только рассказывать про своего бога, но и хулить наших — особенно доставалось Донару.

Вот этого я уж совсем не мог понять, Фрагила. Римляне все спесивцы, нам ли не знать, дерут нос до небес, даже торговцы — но римляне всегда с почтением говорят о богах. Тот же Тибул — ведь это он принёс Донару кольцо, на котором мы нынче клянемся. Рассказал, что дал обет в беде Юпитеру — так они Донара называют. А помнишь, шесть зим назад — когда тибулов захребетник посмеялся над нашим Донаром и обозвал его скверно отёсанной колодой, а Хивигар понял и накинулся на парня, и побил его, хоть и однорукий, и старый. Тибул тогда, узнав, как было дело, не то что не стал требовать с нас откуп за обиду его человека, он сам принес подарки — и мне, и Толмачу, и к дубу, где стоял Донар. Да, Хивигар потом рассказывал, каковы римские боги — будто живые великаны, обращенные в камень неведомым колдовством. Говорил, за тридцать зим, пока служил Риму, не одолел робость перед ними — все казалось, что отлитый из бронзы исполин или вытесанная из камня великанша шагнут к нему через жертвенник или протянут громадную руку. А Донар наш, говорил Толмач, свой, он вытесан ещё когда люди не слышали ничего не про каких римлян, и мы знаем, что это — Донар, и лучше нам ничего не надо. Но и тот дурак, которого проучил старый Хивигар — он не над Донаром смеялся, а над тем, как наши деды его вытесали. Глиняному же было плевать, из колоды, или из бронзы — он хаял Донара и прочих богов, и наших, и своих, римских, а хвалил только своего странного бога, которому было проще поднять мертвеца, чем уложить девку.

Да. А помнишь Бурисо Примака? Когда чужак рассказал про своего глиняного пращура, и наши стали припоминать, с кем бился Донар, Бурисо, в свой черёд, поведал байку своего народа — де был такой Глиняный Человек, ходил по свету, скот жрал, людей, пока козёл не прободал ему брюхо. Это наши сочли походим на правду — козёл ведь Донарова животина. А Бурисо на том не унялся — анты, они все шиложопые, не будь я Алавин

Урожай. Вот собрал он парней помоложе и уговорил их выпустить на Глиняного Человека козла. Козла эти оглоеды решили утащить у Леугара Брюхо. Есть у него такой, здоровый, чёрный, Леугар его кличет Заразой, и уж поверь. Посох, не за тихий и покладистый нрав. Как уж они умудрились тишком забраться в загон, стреножить это козлище и уволочь, что никто ничего не слышал — одни боги знают, и то, наверное, не наши, а Бурисовы. Анты, говорят, могут и бойца в полном доспехе из середины его стана выкрасть. Вот подобрались они к хижине, где спал Глиняный Человек — а он себе землянку в первую же неделю поодаль выкопал, работать-то вместе он был согласен, а жить в нашем доме чем-то не нравилось. Так вот, подобрались, разобрали крышу, развязали Заразу — и столкнули его в дыру, тот, бедолага, только и успел копытом одного приласкать.

Вот ты, Посох, смеёшься, а мне пришлось это дело разбирать. Ещё и Леугар Брюхо обнаружил пропажу, бросился на розыски, и услышал сперва шум, а потом знакомое бляенье, а Леугар, я тебе скажу, Заразе своему мало чем по нраву уступит, только что рогов с копытами нет... вломился в землянку, Глиняного принял за вора и давай его колотить. Ну, Бурисо с парнями, не буду врать, попрыгали в дыру и стали Леугара от чужака оттаскивать, а Зараза скакал тем временем по всей землянке и развлекался, как мог, и рогами, и копытами, и боги нас миловали, что обошлось без покойников.

На следующий день, когда я распутывал всю эту суету и вычитал из виры за покражу скотины виры за ушибы и синяки, оставленные на горе-скотокрадах Заразой и его хозяином, Бурисо с приятелями признали, что, по чести, мало кого порадует свалившийся посередь ночи на голову козёл. А если уж совсем начистоту, то Зараза и в ясный день, и в чистом поле мало кого обрадовать способен, разве что за крепким забором — и то радоваться будешь забору, а не козлу. Только, говорили парни, обычный-то человек или заорёт и убежит, или заругается и примется скотину выгонять. А вот чтоб падать на колени, заслоняясь амулетом своего бога и орать дурным голосом слова, которые даже не все римские... что такое *Satanas*, скажем, даже однорукий Хивигар растолковать не смог.

Уж не знаю, Леугаровы ли кулаки или копыта его питомца чужаку в голову глиняную угодили — а что-то в ней с той ночи поломалось. Он стал не столько своего бога хвалить, сколько нас того бога карами запугивать, а что он про Донара и иных богов говорить, то не то что повторять, слышать было скверно. И всё-то кричал — мол, если ваш Донар такой сильный, пусть сам меня накажет.

Эх. Вот тут — не стану себя выгораживать, Фрагила. Сплоховал, рукою махнул, отвернулся, когда вмешаться надо было. Но очень уж он нас всех донял. Как первая же гроза подошла, собрались парни, накинулись на Глиняного, да и привязали его к коновязи на окраине деревни. Мол, хотел с Донаром сам на сам померяться — меряйся, поглядим, кто сильнее, твой бог, или наш. Сквозь ливень долго было слышно, как он дурным голосом своему богу хвалы пел. Потом стихло. Я думал — отвязали. А самому б пойти, глянуть...

Так он там до утра и простоял. Молния его не убила, а мокрый он был, белый и холодный, как рыбе брюхо. Тогда спохватились, отволокли в хижину, в которой жил. Алагунд Рысья Лапа к нему со снадобьями ходила — прогнал, дурак. На пятый день помер.

Так-то, если вспомнить, великанья поделка тоже не от Донарова молота погибла...

А перед смертью такое сказал... в общем, на костре просил не жечь, а в землю зарыть. Это ладно, иные так и хоронят, чтоб прадед правнучат из-под холма опекал да берёт. Только Глиняный другое сказал — что в конце мира его бог всех мёртвых подымет. Тут уж всем всё ясно стало. Как он отмучался, народ стал на ту землянку камни таскать. Сперва на крышу, потом та провалилась — а люди всё тащат. Потом Алагунд Рысья Лапа заклятья от беспокойников над той кучено прочла. Ничего вроде, лежит, пару раз только разным людям во сне являлся... в общем, правду сказал Тибул — толку от него было мало, суеты много, а вред — только ему же самому.

Одно слово — Глиняный.

Призёры художественного конкурса от клуба «Рунагальдр».

Татьяна Бородина

*Один ныне зовусь,
Игг звался прежде,
Тунд звался тоже,
Вак и Скильвинг,
Вавуд и Хрофтатюр,
Гаут и Яльк у богов,
Офнир и Свафнир,
но все имена
стали мной неизменно.
Речи Гримнира.*

В марте 2019 года клубом социальной сети вКонтакте «RUNAGALDR * ПЕСНЯ РУН¹» был организован конкурс художественного творчества среди резчиков по дереву и графиков и живописцев. Темой конкурса стали произведения, посвящённые Одину. Победители определялись по сумме баллов, распределяемых членами жюри. В жюри вошли:

— администраторы группы «Руны» социальной сети вКонтакте: *Ásleikr Ásleikson*, Сергей Голодов, Эдуард Иванов (одновременно участник объединения «Хранители Традиции»), Ольга Сюткина;

— администраторы группы «ASATRU | АСАТРУ | Германское язычество»: Нел Эльдватн, Марина Баренцева, *Helga Refa*;

— представители редакторского состава альманаха «Сага»: Надежда Топчий (*Tradis*), Светлана Волкова (*Rogneda*);

— *Hadeken Hodigo*, автор книги «Белый ворон», основатель и годи общины Асатру *Svartland*;

— Вадим Пермин, человек, который перевёл и издал книгу, посвящённую одной из самых известных исландских магических рукописей *Huld*;

— Леонид Ярков, асатруа, глубоко изучающий Северную Традицию;

— *Oleg Skalevoy*, администратор группы «Посольство Ancile», посвященной тематике германской языческой традиции;

— администраторы группы «RUNAGALDR»: Екатерина Честнокова, Татьяна Бородина.

Призы были выкуплены администрацией «RUNAGALDR»: в прекрасном аутентичном магазине — мастерской «Скупая Хель²».

По результатам голосования были определены победители.

Среди художников:

1 место занял Лука Басыров.

2 и 3 места, набрав одинаковое количество баллов, делят Владислава Никонова и *Andrey Forest*.

Среди резчиков:

1 место — Олександр Янковий.

2 место — Владимир Казаченко.

3 место — Чугайстер Лесной.

Администрация клуба «RUNAGALDR» благодарит всех, кто откликнулся и участвовал в конкурсе. Все предложенные на конкурс работы — замечательны, и,

¹ <https://vk.com/runagaldr>

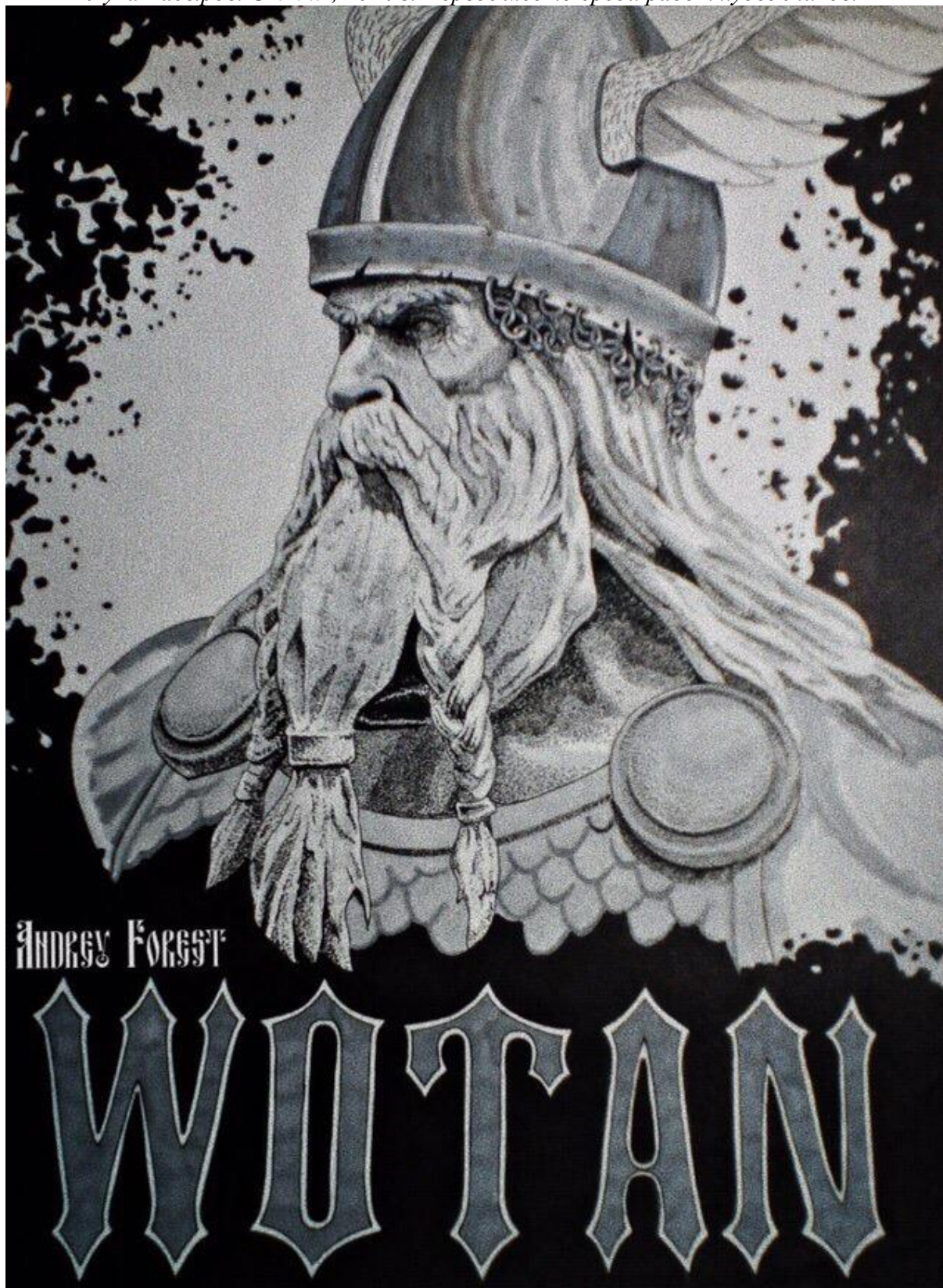
² <https://vk.com/norsvik>

независимо от занятого места, важно, что их увидели многие единоверцы: ведь явление своей работы в мир и будет тем итогом, ради которого создаются картины или вырезаются произведения из дерева.

Сага Сага

Лука Басыров. Grimnir, 2014 г. Первое место среди работ художников.

Andrey Forest, второе и третье место среди работ художников.

Владислава Никонова, второе и третье место среди работ художников.

Олександр Янковий, перше місце серед скульптурних робіт.

Владимир Казаченко, второе место среди скульптурных работ.

Чугайстер Лесной, третье место среди скульптурных работ.

Сага № 18 / июль 2019г.

Редакторы:

Надежда Топчий (Tradis),

Светлана Волкова (Rogneda)

Обратная связь.

Если у вас есть интересные материалы для следующих публикаций, пожелания и предложения по нашей работе, пишите нам

vyshezor@mail.ru

Мы заинтересованы в вашем участии в нашем проекте. Если вы заинтересованы нам помочь любыми посильными способами, вступайте в клуб в ВКонтакте https://vk.com/saga_journal

Все авторские права принадлежат глубокоуважаемым авторам

